

РПШ – 1436355

Шигаревская О.В.

ШИГАРЕВСКИЕ. ИСТОРИЯ ПОИСКА

Вологда, 2011

ШИГАРЕВСКИЕ. ИСТОРИЯ ПОИСКА

*Почувствуй стык времен плечами.
Ведь ты всего лишь знак кольца
в цепи, которой нет начала
и не предвидится конца!*

Сергей Викулов, «Память рода».

Предваряя рассказ о проведенной мною работе с целью отыскания своих предков, сразу оговорюсь: я не указываю здесь по всем установленным из их числа конкретным людям, кто когда родился, женился или умер. Да и указаны здесь далеко не все, кого я установила. Если это указывать, текст будет совсем уж не читаемым. Я хочу сейчас рассказать о том, как я их разыскивала, в той последовательности, как это происходило. Поэтому и название такое — «Шигаревские. История поиска».

Скорее всего, кому-то этот рассказ покажется довольно сумбурным, перегруженным ненужными именами и фактами. Дело в том, что я не просто хотела перечислить несколько поколений установленных мною предков Шигаревских, но и документально подтвердить, что установленные мной разные крестьянские семьи, несмотря на то, что проживали в разное время в разных деревнях и даже уездах, принадлежали разным помещикам — это разные поколения одной семьи, а точнее — одного рода. Этим и вызвано упоминание архивных материалов, в которых фигурируют имена и факты, напрямую не связанные с Шигаревскими. Ведь именно благодаря им я смогла достичь того результата поиска, о котором вы узнаете из этого рассказа. Ну, а некоторые дела привожу просто из интереса.

Я вот даже затрудняюсь сказать, для кого больше я пишу все это — для себя или для тех из Шигаревских, кому это будет интересно. Пожалуй, что прежде всего для себя, чтобы отразить результаты того труда, который я проделала за два с лишним года, собрать воедино те данные, которые разбросаны по разным тетрадям, при этом постараться не упустить какие-то звенья в той логической цепочке фактов и доказательств, которые привели меня к достигнутому результату. Больше всего это мне напомнило составление обвинительного заключения по уголовному делу. А поскольку я около двадцати лет проработала следователем, то это, видимо, наложило свой отпечаток на изложение результатов моего расследования. Кроме того, немаловажную роль в форме их изложения сыграло желание максимально полнее показать весь спектр использованных архивных материалов.

А что касается конкретных людей и конкретных фактов, относящихся непосредственно к Шигаревским, то здесь я привожу только те из них, которые необходимы для отображения хода поиска. Надо сказать, что начиная свою работу в архиве, я не ставила перед собой цели составления родословного древа. У меня была другая цель. Это в процессе работы выяснилось, что все Шигаревские происходят из одной семьи, а потому по имеющимся у меня материалам можно составить родословные, пусть и не совсем полные, для многих из них, проживающих в настоящее время в Вологодской области и даже за ее пределами, вплоть до 1737 года. Но это уже несколько иная тема.

Часть первая. Путь длиной в 80 лет

Не раз в своей жизни мне приходилось слышать о том, что у меня польская фамилия. Так уж сложилось, что многие из нас оканчивающиеся на «-ский» фамилии относят именно к польским, не вникая в научные дебри по поводу их происхождения. Из детства сохранились смутные воспоминания о том, как в родне говорили, что предки наши были из Польши, что привезли сюда на речку Лихтошь четырех братьев Шигаревских. Мне почему-то казалось, что связано это было с каким-то восстанием или с бунтом, хотя точно я ничего не знала. Неоднократно возникало намерение сходить в архив и проверить обоснованность этих предположений.

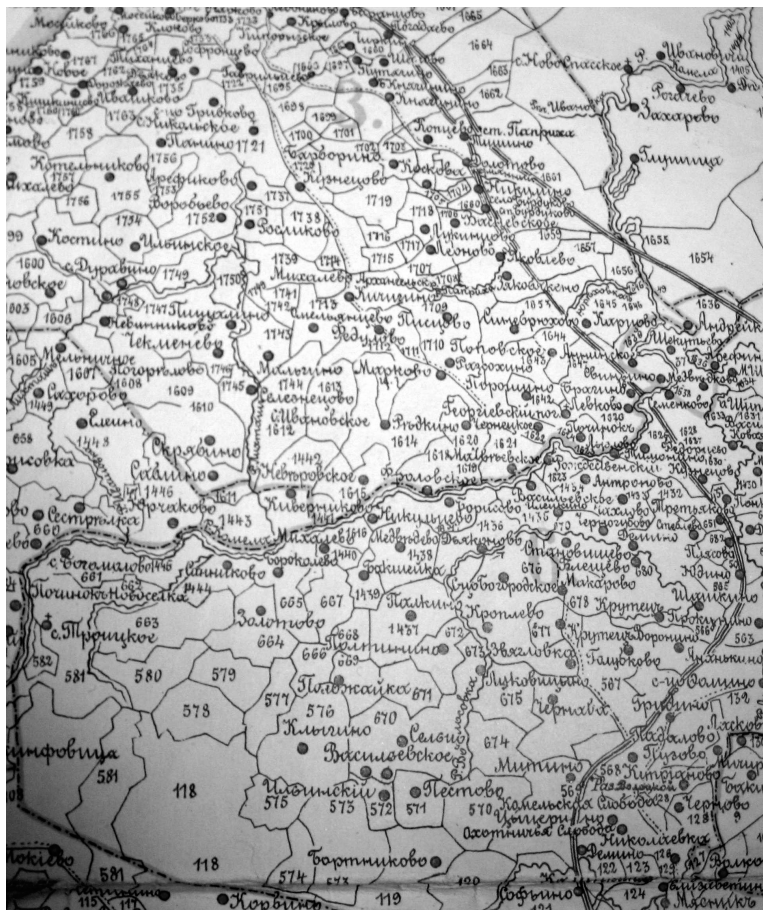
Несколько лет назад, помогая младшему сыну готовиться к краеведческой олимпиаде, в сборнике «Вологда» я прочитала статью М.Ш. Бонфельда «Странники поневоле» [1], посвященную теме пребывания в Вологде поляков, сосланных сюда за участие в польском восстании 1831 года и в связи с участием в деле Симона Конарского в 1839 году. Тогда я подумала, что разговоры про польские корни Шигаревских вполне могут оказаться правдой, и намерение докопаться до истины окрепло. Не знаю, как долго я бы еще собиралась пойти в архив, если бы необходимость получения некой справки не привела меня в это учреждение. Сделав необходимый запрос, я спросила, как можно выяснить интересующие меня вопросы, связанные с предками. Оказалось, что мне нужно обратиться в читальный зал.

Так 24 сентября 2008 года я первый раз переступила порог читального зала Государственного архива Вологодской области (ГАВО), не подозревая тогда, что то, чем мне придется заниматься, окажется в чем-то сродни прежнему роду моей деятельности. Там я написала заявление, указав тему «Родословная по фамилии Шигаревских», заполнила анкету, после чего мне был выписан пропуск для работы в читальном зале. В заявлении нужно было указать данные об известных мне предках, желательна фамилия, имя, отчество, год рождения и место, где они жили.

На тот момент я мало что о них знала, только то, что деда моего, которого я никогда не видела, звали Павел Степанович, и что семья Шигаревских когда-то жила в деревне Саблино Вологодского района на речке Лихтошь. Спросить сейчас уже было не у кого — отец Виктор Павлович и бабушка Надежда Ивановна Шигаревские умерли несколько десятилетий назад. Знала еще, что у деда был брат — Владимир Степанович, к которому в детстве мы ездили вместе с бабушкой в деревню на реке Комёле. По пути туда от большой дороги мы проходили мимо того места, где когда-то была деревня Саблино. Место это рядом с существующей и поныне деревней Скрыбино. В то время о деревне Саблино напоминали остававшиеся там яблони, к которым мы сворачивали, чтобы нарвать яблок. В прошлом году я была там, яблонь уже нет. А растет в поле у дороги вековая береза, которую старожилы окрестных деревень называют березой Шигаревских.

Вот с имени Владимира Степановича, год рождения которого я знала со слов его дочери, я и начала свои поиски, указав его наряду со своим дедом Павлом Степановичем. Если быть точнее, то первый шаг был сделан работником архива Натальей Леонидовной, которая по сообщенным мной сведениям нашла исповедную ведомость Иоанно-Предтеченской Косяковской церкви Грязовецкого уезда за 1916 год [2]. Грязовецкого — потому что в то время деревня Саблино относилась к этому уезду.

Исповедные ведомости составлялись в каждой церкви ежегодно по селениям, входившим в приход данной церкви. В них переписывались по дворам все члены семьи с указанием степени родства по отношению к главе семьи и с указанием возраста. В более ранних исповедных ведомостях указывалась принадлежность крестьян к определенному ведомству или к помещику.

В 1916 году в деревне Саблино было четыре семьи Шигаревских — вдова Анна Андреевна с тремя детьми, отчество которых было Алексеевичи; трое сирот Шигаревских с отчеством Дмитриевичи; еще в одной семье значилась вдова Аполлинария Семеновна Шигаревская. А четвертой семьей оказалась семья моего деда. Павел Стефанович Шигаревский с женой Надеждой Ивановной записан вместе со своими родителями — отцом Стефаном Доримедонтовичем Шигаревским и матерью Александрой Матфеевной, братьями Владимиром и Алексеем и сестрой Марией. Так я узнала, что прадеда моего звали Стефан Доримедонтович, было ему тогда 65 лет. Деду Павлу Стефановичу было 23 года. В других деревнях, значившихся в исповедной ведомости, Шигаревских не оказалось. Не нашла я их в других деревнях и в исповедной ведомости той же церкви за 1917 год [3].

Исходя из указанного возраста Павла Стефановича получалось, что год его рождения должен быть 1893, а у Стефана Доримедонтовича — 1851. Чтобы найти записи о их рождении, я сделала заказ на метрические книги Иоанно-Предтеченской Косяковской церкви за эти годы. За 1851 год мне книгу не выдали, так как она находится в ветхом состоянии. А получив книгу за 1893 год, я была поражена ее объемом, поскольку в ней оказалось свыше 1000 страниц. Это не современная книга, в которой такой объем никого не удивит. Бумага толще, переплетена совсем по другому, а самое главное, собраны в ней метрические книги не одного десятка церквей за один год. Толщиной метрические книги, а особенно исповедные ведомости, подшитые таким же образом, доходят сантиметров до сорока. Если их несколько, то работники архива из хранилища возят их на тележке. Поскольку не указано, на какой странице какая церковь находится, приходится листать всю книгу по порядку, чтобы найти интересующую церковь. Метрическая книга каждой церкви состоит из трех частей — часть первая о родившихся, часть вторая о бракосочетавшихся, часть третья об умерших. В записях о родившихся указывались даты рождения и крещения, у кого и кто родился, какого вероисповедания были родители, а также кто был восприемниками, т. е. крестными. Записи о бракосочетавшихся содержат данные о том, кто и когда сочетался браком, был ли брак

первым или повторным, и если брак был первый, то указывалось, чьим сыном или дочерью были жених и невеста. Кроме того, указывался их возраст и вероисповедание, а также, кто был поручителями, т.е. свидетелями, при венчании.

Выданную мне метрическую книгу церковью Грязовецкого уезда за 1893 год [4] я просмотрела почти полностью, чтобы установить, не было ли Шигаревских в других церквях кроме Иоанно-Предтеченской Косяковской. В разделе о бракосочетавшихся Богородско-Комельской церкви в одной из записей в качестве поручителей со стороны жениха были указаны «деревни Борисова крестьяне Алексей Шигаревский и Иван Федоров Шигаревский». Поскольку отчества тогда писались как фамилия (в данном случае отчество — Федоров), то и я в дальнейшем буду их указывать в такой же форме. Дойдя до Иоанно-Предтеченской Косяковской церкви, в разделе о родившихся я нашла запись от 11 декабря о рождении сына Павла у крестьянина Гаврильцевской волости деревни Саблина Стефана Доримедонтова Шагаревского (фамилия через букву «а») и законной жены его Александры Матфеевой, оба православного вероисповедания. А просмотрев раздел об умерших, узнала, что у них в том же году в феврале от скарлатины умерли двое детей — сын младший Алексей и дочь младшая Лидия соответственно 1 и 3 лет. От той же болезни умерла в деревне Саблино годовалая дочь у Дмитрия Федорова Шагаревского. Можно было предположить, что этот Дмитрий Федоров был отцом трех сирот Шигаревских, проживавших там в 1916 году. Больше никаких упоминаний о Шигаревских (или Шагаревских) в метрических книгах 1893 года мне не встретилось.

Поскольку метрическую книгу за 1851 год получить было нельзя, Наталья Леонидовна предложила посмотреть книги за ближайшие годы — за 1850-й и 1849-й, чтобы попытаться отыскать запись о рождении Стефана Доримедонтова, а кроме того попробовать поискать сведения о его отце Доримедонте по последним исповедным ведомостям Грязовецкого уезда 19-го века за 1825 год [5]. В отличие от исповедной ведомости Иоанно-Предтеченской церкви 1916 года, за 1825 год это был больше том, в котором опять пришлось искать нужные церкви. Но в исповедной ведомости Предтеченской церкви что на Косяках (так она тогда называлась) я не обнаружила деревни Саблино. Она оказалась в приходе соседней Архангельской церкви что на Лихтоше. Но Доримедонтов в Саблине не было. Неожиданно для меня при просмотре этих исповедных ведомостей выяснилось, что крестьяне указаны без фамилий, а то, что по форме можно принять за фамилию — это отчество. Таким же образом — без фамилий были записаны крестьяне и в метрических книгах 1849-1850 годов [6, 7], которые я посмотрела безрезультатно, не найдя в них записи о рождении прадеда Степана Доримедонтова. Как я узнала, фамилий у помещичьих крестьян не было примерно до 70-80 х годов XIX века. Деревня Саблино в 1849-50 г.г. входила в приход Иоанно-Предтеченской церкви что на Косяках и принадлежала она помещице Александре Яковлевне Кубенской. Я выписала все записи, где упоминалась деревня Саблино. В одной из записей о вступлении в брак крестьянина из деревни Саблина упоминалось еще одно селение, принадлежавшее той же помещице — селцо Неверовское.

После того, как мне не удалось найти записи о рождении прадеда, Наталья Леонидовна сама посмотрела ветхую метрическую книгу 1851 года, но и за этот год сведений о рождении Степана Доримедонтова не оказалось. Тогда она предложила оставить запрос на метрическую запись о его рождении в столе справок архива, сотрудники которого исполняют подобные запросы, что я и сделала. В запросе указала две церкви — Иоанно-Предтеченскую Косяковскую и Михайло-Архангельскую Лихтошскую, учитывая, что деревня Саблино в разные годы относилась к их приходам.

Сама же я продолжила поиски. Павел в 1916 году был старшим из детей Стефана Доримедонтова. Учитывая дату его рождения, можно было предположить, что поженились его родители примерно в 1892-93 г.г., однако в записях о смерти в феврале 1893 года двух

его детей было указано, что эти сын и дочь — младшие, из чего следовало, что еще до их рождения у Стефана уже были старшие дети. Взвесив эти обстоятельства, с учетом возраста умерших детей, я решила посмотреть метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1887 год [8]. Получив опять оказавшийся огромным том, я не ограничилась одной церковью, а просмотрела записи по всем церквям в поисках Доримедонтов, Доримедонтовичей и Шигаревских. Мне повезло, так как в книгах Богородско-Комельской и Иоанно-Предтеченской Косяковской церковей оказалось несколько записей о Шигаревских (Шагаревских), из которых я узнала, что в деревне Никульцево Гаврильцевской волости был крестьянин Алексей Доримедонтов Шагаревский, а в деревне Борисово той же волости — крестьянская жена Ольга Доримедонтова Шагаревская и крестьянин Алексей Федоров Шигаревский. В двух церквях упоминались безземельные крестьяне Гаврильцевской волости Виктор Александров и Сергей Александров Шигаревские.

Что же касается деревни Саблино, то там в этом году произошло следующее: в апреле у Стефана Доримедонтова Шагаревского и его законной жены Евдокии Яковлевой родилась дочь Мария, 6 октября Евдокия Яковлева умерла, а 30 октября Стефан Доримедонтов сочетался вторым браком с дочерью крестьянина той же деревни Саблино Матфея Дмитриева Александрой Матфеевой.

С учетом вновь полученной информации, я просмотрела исповедные ведомости предшествующих 1917 году лет ряда церковей Грязовецкого уезда [9-14], в которых в 1887 году мне встретилось упоминание о Шигаревских (Шагаревских), в результате чего установила, что перед революцией семьи крестьян с фамилией Шигаревских помимо деревни Саблино были в приходе Богородской Комельской церкви — в деревнях Никульцево и Борисово, и в приходе Николаевской Кузнецовской церкви — в деревне Гаврильцево. В деревне Никульцево жила семья Алексея Доримедонтова Шигаревского, в деревне Борисово — семьи Ивана Афиногенова и Ивана Алексева Шигаревских. В деревне Гаврильцево жила семья Сергея Александрова Шигаревского.

А вот Доримедонта Шигаревского мне найти никак не удавалось, хотя я искала и по метрическим книгам, и по исповедным ведомостям конца XVIII — начала XIX веков. При этом выяснила, что деревня Саблино относилась тогда к приходу Троицкой Комельской церкви. Поскольку я не знала, как было отчество Доримедонта, то я выписывала всех попадавшихся мне Доримедонтов (Доримедонтов), а заодно и Доримедонтовичей, рассчитывая, что кто-то из них будет из числа его детей. Кстати, имя это, как и фамилия Шигаревских, постоянно искажается, поэтому не обращайтесь внимания на разночтения, поскольку я буду стараться писать так, как указано в делах. Попадали в поле моего зрения и другие имена. Плохо было то, что за период после 1825 года по многим церквям Грязовецкого уезда, в том числе и по Богородско-Комельской, и по Иоанно-Предтеченской Косяковской, нет исповедных ведомостей, не считая ранее уже мной просмотренных за 1916-1917 г.г.

Из стола справок месяца через три я получила ответ, что по метрическим книгам Иоанно-Предтеченской Косяковской и Михайло-Архангельской Лихтошской церковей за 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1853 и 1854 годы записей о рождении Степана Доримедонтовича Шигаревского не обнаружено. Как оказалось, они проверяют за семь лет — три года назад и три года вперед от предполагаемого года рождения. Дело в том, что в документах того времени указывался не год рождения, а возраст, и поэтому трудно, а порой невозможно, точно установить дату рождения. За 1852 год по этим церквям метрических книг нет. Я сделала повторный запрос, указав Троицко-Комельскую, Богородско-Комельскую и Николаевско-Кузнецовскую церкви.

В ожидании ответов я продолжала самостоятельно искать сведения о своих предках. Очень нелегко было определиться, за какие годы брать метрические книги. Объем их до полутора тысяч страниц, в каждом томе за один год собрано не по одному десятку церковей. К

тому же выдача метрических книг производится за плату — в то время 70 рублей за 250 страниц. В связи с этим не хотелось брать произвольно какие-то неопределенные годы. Я пошла по такому пути — основная версия, которая была у меня на тот момент, это то, что Шигаревские были высланы из Польши за участие в восстании. Пришлось обращаться к Интернету. Восстаний в Польше с конца XVIII века и до 1864 года было несколько. Сначала я работала с исповедными ведомостями и метрическими книгами 1791, 1795, 1801-1803 г.г. [15-21], чтобы проверить период до и после 1794 года, когда было восстание под предводительством Тадеуша Костюшко, установила Дормедонтов в нескольких деревнях. Потом взяла 1832 год, т. к. из статьи М.Ш.Бонфельда знала, что ссыльные после польского восстания 1831 года стали поступать в Вологду в конце этого года. Еще один период, связанный с восстанием — конец 1848 года. Кроме того, решила ориентироваться на возраст тех Шигаревских, которых уже установила. У Сергея Александровича из д. Гаврильцева получался год рождения 1866, у Алексея Доримедонтовича — 1844. Таким образом я просмотрела метрические книги за 1832, 1844, 1848, 1866 годы [22-28], выписывая всех Дормедонтов и Дормедонтовичей. При этом смотрела не только записи о том, кто родился, женился или умер, но и кто был восприемником или поручителем. Выписывая заинтересовавшие меня по какой-либо причине имена, я фиксировала, кому принадлежали крестьяне той или иной деревни в этот период. В отдельных деревнях жили крестьяне, принадлежавшие двум, а то и трем помещикам. А для помещичьих крестьян указание принадлежности к определенному помещику становилось, на мой взгляд, неким заменителем фамилии. В период после 1861 года часть крестьян указывалась как крестьяне-собственники, часть — как временно-обязанные тем или иным помещикам. Метрических записей о рождении Сергея Александровича и Алексея Доримедонтовича в просмотренных мной метрических книгах не оказалось.

Что касается Доримедонта, то хотя это и было довольно редкое имя, в конце концов в списке оказалось около 80 Дормедонтов и Дормедонтовичей. Дальше началась аналитическая работа с этим списком. Помогло то, что по ряду церквей в фонде 1063 оказались исповедные ведомости за период после 1825 года, а также метрические книги, собранные за несколько лет по одной какой-то церкви. По этим книгам и исповедным ведомостям удалось проследить жизнь не одного Дормедонта, узнав, как звали их детей, а по некоторым даже установить фамилии. Эти, естественно, из списка выбывали. Кто-то в списке попадался не по одному разу в разные годы. Другие не подходили по возрасту, чтобы быть отцом Степана и Алексея Дормедонтовичей Шигаревских. Все они тоже сокращали список. Среди найденных мной Дормидонтовичей оказалась солдатка, проживающая в деревне Саблино, Аполлинария Дормидонтова, у которой в 1866 году родился сын Михаил. Была ли она из той семьи, которую я искала, на тот момент сказать было невозможно. Никаких записей, связанных непосредственно с самим Дормидонтом, по деревне Саблино не было.

В разное время мне казалось, что вот — я нашла того самого Доримедонта, которого искала, сначала в деревне Мальгино, потом — то в деревне Юрчаково, то в деревне Палкино. Но ни одна эта версия своего подтверждения не нашла. Я обязательно проверяла по тем церквям, где были Дормедонты и Дормедонтовичи, не было ли там в деревнях перед революцией Шигаревских. Но нигде, кроме ранее уже установленных мною деревень, Шигаревских не было. В результате список мой сократился до полутора десятков Дормедонтов, которые по возрасту могли бы оказаться отцом Степана и Алексея. Среди них оказался Дормидонт Никитин, упомянутый в качестве восприемника в 1844 году в Иоанно-Предтеченской Косяковской церкви как дворовый человек помещика Александра Кубенского сельца Неверовского. Вновь обратившись к исповедным ведомостям 1825 года [29], я установила что тогда в этом сельце Дормидонтов (Доримедонтов) не было, не было там и помещика Кубенского. В сельце Неверовском в 1825 году были записаны крестьяне и дворовые люди помещиков О.В.Волоцкой, В.Н.Гневашева, а также крестьяне удельного ведомства. В исповедной ведомости той же церкви за 1917 год сельца Неверовского я не нашла, поэтому не знаю, были ли

там Шигаревские в то время. Оставалось только гадать, тот ли это Дормидонт, которого я ищу, или нет.

Потратив на вышеописанные поиски несколько месяцев и энное количество денег, я пришла к выводу, что поиск по метрическим книгам окажется чересчур затратным, а результаты могут оказаться нулевыми. Ведь не знаешь, в каком году кто-то из интересующей тебя семьи родился, женился или умер. А смотреть подряд все книги нереально, как в физическом, так и в материальном плане. Обратившись вновь к Интернету, посмотрела, по каким архивным фондам можно еще поискать нужную информацию. Среди них числились дела волостных правлений, рекрутских присутствий, присутствий по крестьянским делам и другие. В фонде 101 Волостных правлений оказались две похозяйственные книги Гаврильцевской волости за период с 1913 по 1918 годы [30, 31], по которым в числе владельцев земли из деревни Борисова числились несколько Шигаревских. В делах рекрутских присутствий и присутствий по крестьянским делам я ничего не нашла.

Памятуя о своей основной версии о польских корнях Шигаревских, я посмотрела дела фонда Грязовецкого полицейского управления, Вологодского губернского правления, канцелярии Вологодского губернатора. Я узнала только то, что в XIX веке в разное время в Вологодскую губернию действительно высылали представителей различных сословий и званий из Царства Польского и Западных губерний. Но никаких упоминаний о Шигаревских в этих делах не оказалось.

В Интернете среди различных источников, из которых можно почерпнуть информацию, указывались фонды духовных консисторий. В Вологодском архиве это фонд 496. Как оказалось, с делами этого фонда я уже работала, это были те самые огромные метрические книги и исповедные ведомости, но я как-то и не задумывалась над тем, что это за фонд. Кстати, я тогда поняла, что в самом начале допустила методологическую ошибку в своей работе с архивными документами. Нужно было начинать с изучения архивных описей, а я стала сразу смотреть дела. Но, как говорится, опыт приходит со временем.

В фонде Вологодской духовной консистории помимо описей 10 и 19, в которых значатся те огромные метрические книги и исповедные ведомости церковью Грязовецкого уезда, о которых я писала раньше, оказалось еще множество различных описей. В них, как впрочем и в самой описи 10, оказалось несколько метрических книг интересующих меня церковей за период 70-80-х годов XIX и начала XX веков, собранных не так, как ранее описанные — несколько десятков церковей за один год, а в одном томе метрические книги одной церкви за несколько лет. По объему они значительно меньше, а информации из них можно получить гораздо больше. Но к сожалению, таких дел по нужным церквям очень мало, считанные единицы. В просмотренных мною книгах Михайло-Архангельской Лихтошской и Николаевской Кузнецовской церковей я Шигаревских не нашла, а вот метрические книги Иоанно-Предтеченской Косяковской и Богородской Комельской церковей содержали кладезь информации. К тому времени я уже получила ответ на свой повторный запрос насчет метрической записи о рождении Степана Дормидонтовича, согласно которому ни в одной из указанных мной церковей за период 1847-1854 г.г. таковой не оказалось. За 1852 год по этим церквям метрических книг нет.

Но когда я стала выписывать метрические записи из книги Иоанно-Предтеченской Косяковской церкви за 1871-1880 г.г. [32] о родившихся, бракосочетавшихся и умерших крестьянах из деревни Саблино и сельца Неверовского, уже начиная с 1872 года я была уверена, что Шигаревские здесь, хотя фамилий сначала не было. В Саблино замечали сначала Дормидонтовичи — Федор Дормидонтов, Стефан Дормидонтов, Аполлинария Дормидонтова, а в записях по сельцу Неверовскому появилась фамилия Шагаревских, не связанная, правда, с именем Дормидонта. В 1874 году там умерла крестьянская жена Варвара Иванова Шагаревская, в том же году в числе приемников нахожу Ивана Федорова Шагаревского. Все

больше крепла уверенность, что я наконец-то нашла того Дормидонта, которого так долго искала. В 1875 году в записи от 19 января появляется та же фамилия и в деревне Саблино — солдат, служивший в 25 пехотном Смоленском полку, рядовой Лаврентий Дормидонтов Шагаревский, 35-ти лет, первым браком сочетался с деревни Саблино девицей Аполлинарией Семеновой. Потом снова запись без фамилии — 19 ноября того же 1875 года Гаврильцевской волости деревни Саблина умершего крестьянина Дормидонта Никитина сын Алексей Дормидонтов, 27 лет, сочетался браком с вдовой из д.Никульцево Евдокией Алексеевой Изотовой.

И вот, наконец, запись в разделе о бракосочетавшихся за 19 января 1877 года ставит все на свои места — Гаврильцевской волости деревни Саблина умершего крестьянина Доримедонта Никитина Шагоровского сын Стефан Дормидонтов, 26-ти лет, православного вероисповедания, первым браком сочетался той же волости села Ивановского умершего крестьянина Якова Иванова Соколова дочерью девицей Евдокией Яковлевой, 20-ти лет, православного вероисповедания. Тут уж сомнений не остается — Шигаревским оказался тот самый сельца Неверовского дворовый человек помещика А.Кубенского из моего списка Доримедонтов.

В 1878 году нахожу еще одного Шагаревского — умер Гаврильцевской волости сельца Колпаково крестьянин Александр Федоров Шагаревский, 56-ти лет, и понимаю, что это отец Виктора и Сергея Шигаревских, о которых я уже знаю. В 1879 году обнаруживаю запись о рождении дочери у крестьянина сельца Колпакова Виктора Александрова Шагаревского. Так появилось еще одно селение, где нужно было искать данные о Шигаревских. Кстати, я до сих пор не знаю, где находилось это сельцо Колпаково. В справочнике указано, что при речке Комёле и, судя по расстоянию, это где-то неподалеку от указанных ранее деревень. Но на карте XIX века, которую я смотрела в музее, мне его найти не удалось.

В разделе метрической книги об умерших за 1879 год мне встретилась запись о смерти деревни Саблина крестьянской жены Екатерины Леонтьевой, 73-х лет, это, как я узнаю много позже, моя прапрабабушка, жена Дормидонта Никитина.

В метрических книгах Богородской Комельской церкви за 1871-1880 годы [33] я нашла записи по тем Шигаревским, о которых узнала раньше — в деревнях Борисово и Никульцево. Причем выяснилось, что Алексей Дормидонтов Шигаревский оказался в Никульцево после женитьбы на вдове из этой деревни. Что же касается Анфиногена, Ивана и Алексея Федоровых Шигаревских из Борисова, то новым фактом оказалось упоминание в 1871 году имени отца в записи о вступлении в брак Алексея, где он именовался сыном умершего дворового человека сельца Борисова Федора Борисова. Получалось, что нужно искать еще и Федора Борисова, чтобы установить степень родства с Шигаревскими из д.Саблино. А мог он оказаться и просто их однофамильцем. В других селениях Шигаревских не оказалось.

Через некоторое время, просматривая метрические книги церковей Грязовецкого уезда 1864 года [34], я встретила упоминание об умершем дворовом человеке сельца Неверовского Федоре Никитине. То, что это был Шигаревский, у меня сомнения не вызывало, так как позднее в этом сельце был Иван Федоров Шигаревский. Передо мной встал вопрос — а не один ли это человек — Федор Борисов и Федор Никитин? Мне казалось вполне возможным, что лицо, делавшее запись о дворовом человеке из сельца Борисова, ошибочно указало отчество вместо Никитина Борисов. Что же касается того момента, что один из них был указан по сельцу Борисово, а второй — по сельцу Неверовскому, то тут есть объяснение. Дело в том, что в записях, относящихся к крестьянам обоих этих селений, также как и к крестьянам деревень Саблино и Никульцево в указанные выше годы они значились как временно обязанные помещикам Порошиной и Порошину. Вполне можно было допустить, что в разные годы крестьяне одних и тех же помещиков могли проживать в разных из принадлежащих им селений. Тут, наверное, нужно указать расположение указанных деревень. Дело в том, что сельцо Неверовское и деревня Борисово располагались (и располагаются ныне) почти

напротив друг друга на разных берегах реки Комёлы.

Выводы, к которым я пришла в результате ознакомления с указанными выше метрическими книгами Иоанно-Предтеченской Косяковской и Богородской Комельской церковей за 70-80 годы XIX века, сводились к следующему: Шигаревские в тот период были в деревне Саблино, в сельцах Борисово, Неверовском и Колпакове. При этом, учитывая ту запись 1844 года, в которой упоминался дворовый человек сельца Неверовского Дормидонт Никитин, появились они там не позднее этого года. В этих селениях и нужно было искать их следы за более ранний период. Деревни Гаврильцево и Никульцево из зоны поиска на этом этапа я исключила.

После ознакомления с указанными метрическими книгами 70-80-х годов мне стало ясно, что, знай я об их существовании раньше, отчество Доримедонта (Дормидонта) я узнала бы значительно раньше. Но особого сожаления у меня это не вызвало, поскольку вполне возможно, что этим бы все и ограничилось, учитывая те обстоятельства жизни наших предков, которые будут изложены в моем рассказе. Если бы не было тех огромных метрических книг и исповедных ведомостей, которые я просматривала в течение нескольких месяцев, я, возможно, никогда бы не узнала ни о Дормидонте Никитине из сельца Неверовского, ни о том, что интересующие меня деревни в разное время принадлежали разным помещикам. А именно эти обстоятельства определили в дальнейшем основные направления моего расследования. Не зря говорят, что нет худа без добра.

Помимо работы с метрическими книгами, я продолжала просматривать дела других фондов архива, но положительных результатов не было, не считая того, что в одном из дел Грязовецкого уездного исправника за 1875 год в списке безземельных крестьян, причисленных к Гаврильцевской волости, на коих числятся недоимки государственных податей [35], обнаружила имя Лаврентия Дормидонтова, возле имени которого было примечание — «Сдан в рекруты в 1867 году».

Чтобы отыскать семьи Дормидонта Никитина, Александра Федорова и Федора — Никитина или Борисова, пришлось вновь обратиться к метрическим книгам. На этот раз я взяла метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1840 год [36], но никакого намека на присутствие Шигаревских ни в одной из интересующих меня церковей за 1840 год я не нашла.

После того, как мои поиски в 1840 году успехом не увенчались, я решила посмотреть другие описи по фонду Вологодской духовной консистории за период, предшествующий 1844 году, т. е. до первого упоминания Дормидонта Никитина. В описи 1 фонда 496 значатся дела разного характера, в том числе прошения о вступлении в брак, сведения о вероисповедании, прошения лиц различных вероисповеданий об обращении в православную веру. Последние меня заинтересовали в первую очередь, я ведь продолжала придерживаться той же версии о польских корнях, а значит это должно было быть католическое вероисповедание, а поскольку в дальнейшем Шигаревские были православного вероисповедания, то могло остаться какое-то подтверждение об обращении их в православие. Потом я посмотрела некоторые дела указанного характера за 30-40 годы XX века, но упоминаний о Дормидонте Никитине и других в них не оказалось.

В той же первой описи фонда 496 меня заинтересовало дело № 10679 «По прошению Грязовецкого помещика Кубинского о переводе купленных им крестьян из одного прихода в другой» за 1842 год [37]. Заинтересовало по той причине, что именно помещик с такой фамилией был в сельце Неверовском, а помещица А.Я.Кубенская была в д.Саблино. Я заказала это дело и когда ознакомилась с ним, то поняла, что мои поиски выходят на другой уровень. С этого дела начался новый этап моей работы с архивными документами. Это произошло в июле 2009 года, когда с начала поисков прошло более девяти месяцев.

Поскольку данное прошение сыграло в моих изысканиях решающую роль, привожу его текст полностью. Вверху на листе стоит резолюция «14-го марта 1842 г. Сделать удовлетворение просителю в его прошении...», а вот его содержание:

«Его Преосвященству Господину Епископу Вологодскому и Великоустюгскому Грязовецкого помещика коллежского ассесора Александра Иванова Кубенского Прошение

Купил я у майорши Беклемишевой Грязовецкого уезда, Комельской волости деревню Саблино, с тремя семействами крестьян, жители оной находились и находятся в приходе Архангельской Лихтошской церкви, в шести верст, а как я в оную деревню перевез того уезда из сельца моего Неверовского состоящего в приходе Предтеченской Косяковской церкви крестьян четыре семейства, да из прочих деревень верст из десяти три семейства, то просил священника нашего прихода Предтеченской церкви, чтобы он причислил всех жителей той деревни Саблино к своей церкви исполнять требы, потому как его же перевезены из сельца Неверовского вышеупомянутые четыре семейства, но он известил меня, написав, что принять эту деревню к себе в приход, даже Архангельский священник уступит, без разрешения начальства не могут, почему приняв у него подлинной отзыв священника Предтеченской церкви к сему, Вашего Преосвященства Всепокорнейше прошу деревню мою Саблино, населенную мной из разных мест, приказать перевести в один с сельцом моим Неверовским приход к Предтеченской Косяковской церкви, состоящей от оной деревни в трех верстах, по каковой причине крестьянам моим, да и священнику с требами к ним, ходить ближе и удобнее, чем изволите оказать милостивое Ваше покровительство. марта 1842 года. Прошению Грязовецкий помещик Коллежский ассесор Александр Иванов сын Кубенский руку приложил». К прошению приложен отзыв священника Предтеченской Косяковской церкви от января 1842 года, из которого усматривается, что без разрешения начальства не может быть перевода крестьян из прихода в приход. В этом же деле есть еще один документ следующего содержания: «1842 года марта 26 дня в Журнале Вологодской Духовной Консистории определено: Согласно резолюции Его Преосвященства означенные в прошении семейства из прихода Архангельского на Лихтоше перевести в Иоанно-Предтеченский Косяковский приход, о чем для объявления им, местному Благочинному послать Указ...». Внизу пометка «Указ писан от 14 апреля за №....».

Ознакомившись с указанными документами, я поняла, почему в начале своих поисков, когда работала с церковными книгами начала XIX века, не могла найти деревню Саблино в Иоанно-Предтеченской Косяковской церкви. Я показала это дело заведующей читальным залом архива Наталье Леонидовне и поинтересовалась, отражался ли где-то перевод крестьян из одного церковного прихода в другой. Она ответила, что поскольку речь в прошении идет о покупке деревни, то можно поискать по вотчинным книгам, где могли быть указаны имена крестьян при продаже имений. Она дала мне опись 8 фонда 178 Вологодской палаты гражданского суда и показала дела, в которых могла быть эта информация. Это — вотчинные книги на записку проданных и заложенных вотчин и вотчинных земель вместе с крепостными крестьянами. Я заказала вотчинные книги за 1841 и 1842 годы, а также, на всякий случай, крестьянские книги на записку крепостей на проданных и отпущенных на волю крестьян за те же годы.

В вотчинной книге 1842 года [38] мне встретилась запись от марта месяца о том, что Грязовецкий помещик Александр Иванов Кубенский продал жене своей Александре Яковлевой Кубенской крепостное свое недвижимое владение в Грязовецком уезде Комельской волости в сельце, а по плану деревне Куприяново. Я посмотрела эту купчую мельком, поскольку там шла речь не о крестьянах, а только лишь о земле. Но в тетради сделала короткую пометку, поскольку упоминались интересующие меня помещики.

В крестьянской книге на записку крепостей на проданных и отпущенных на волю крестьян за 1842 год [39] мое внимание привлекла запись о том, что помещицы Марья Васи-

льева дочь вдова Жеркова, урожденная Гневашева, и из дворян девица Клеопатра Васильева Гневашева отпустили крепостную свою, доставшуюся по наследству после покойного родителя Василия Николаева и брата Николая Васильева Гневашевых, писанную по 8 ревизии по Грязовецкому уезду Комельской волости по сельцу Колпакову крестьянскую девку Авдотью Анофреву. Поскольку в сельце Колпаково в более поздний период жили Шигаревские, а принадлежало оно, также как и сельцо Неверовское, Гневашевым, я решила, что крестьян четыре семейства Кубенский А.И. мог купить у них. И с того момента у меня сложилось убеждение в том, что если мне удастся найти список крестьян, которые были у Гневашевых, то там обязательно окажутся те, кого я ищу. Поэтому в дальнейшем я брала на заметку все, что мне попадалось по Гневашевым.

В вотчинной книге 1841 года [40] я нашла запись от 21 января 1841 года о совершении купчей крепости, по которой майорша Татьяна Беклемишева продала А.И. Кубенскому и наследникам его «в вечное и потомственное владение крепостное свое недвижимое имение со крестьяны», доставшееся ей по наследству после покойной матери П.И. Озеровой, «состоящее Вологодской губернии Грязовецкого уезда Комельской волости при речке Лихтошь деревню Саблино и крестьян мужеска и женска пола, жительствующих в оной и писанных по 8 ревизии за... Беклемишевой, по первому мужу Волоцкой...». В купчей были имена четырех крестьян с их семьями, они соответствовали исповедной ведомости 1825 года. Семьи Дормидонта Никитина и других, ранее установленных мною лиц, там не было. Таким образом, мне удалось узнать, что по состоянию на январь 1841 года Шигаревских в деревне Саблино не было.

В крестьянской книге 1841 года [41] оказалась запись от октября месяца о том, что помещик А.И. Кубенский отпустил свою крепостную, доставшуюся ему из дворян от девицы Евпраксии Яковлевой Сухаревой по любовному акту, утвержденному Грязовецким уездным судом 11 июля 1840 года, писанную по ревизии Грязовецкого уезда Комельской волости по дер. Саблино крестьянскую девку Александру Алексееву, 9 лет от роду. В январе 1841 года в числе крестьян, проданных с деревней Саблино, не было Алексеев, поэтому сам собой напрашивался вывод, что эта Александра была дочерью какого-то Алексея, который появился в Саблине уже после продажи, т.е. был туда перевезен Кубенским вместе с теми несколькими семьями из сельца Неверовского и других, неизвестных мне, деревень. Поэтому в плане моих дальнейших действий появился пункт о том, что надо найти указанный любовный акт. Но, к сожалению, мне его так и не удалось отыскать ни в фондах Грязовецкого уездного суда, ни в каких-то других.

Основным объектом моих дальнейших изысканий на длительный период стали дела фонда 178 Вологодской палаты гражданского суда, поскольку я поняла всю ценность сохранившейся в них информации. В связи с тем, что я так и не смогла определить, где же жили Шигаревские, а точнее, семья Дормидонта Никитина и др., до 1844 года, решила, что придется отслеживать их перемещения не из деревни в деревню, а от помещика к помещику. И в этом плане дела 178-го фонда бесценны, поскольку в купчих крепостях на вотчины и вотчинные земли, на крепостных крестьян, также как в документах по другим сделкам с движимым и недвижимым имуществом, совершавшимся в палате гражданского суда, содержится кладезь информации. Во всех из них отражалось, кто кому и что продал, заложил, получил в наследство или сам завещал по наследству, от кого, когда и по какому основанию в его владении оказалось это имущество с указанием дат и места совершения предыдущих сделок с этим имуществом. Во многих купчих крепостях на имения, продаваемые вместе с крепостными, указывались имена крестьян, иногда их возраст, родственные связи. Кроме того, обязательно указывалось, по какому селению и за кем они были «писаны» по последней ревизии, и на кого, по какому селению перечисляются после сделки. И еще одно немаловажное обстоятельство выяснилось при изучении дел этого фонда — по содержащимся в делах документам о различных сделках можно установить многие родственные связи между по-

мещиками, о которых даже и не подумаешь, поскольку фигурируют разные фамилии. Это обстоятельство сыграло для меня значительную роль в определении отдельных направлений поиска, поскольку из документов по одному помещику можно получить определенную информацию, относящуюся к другому, состоящему с первым в родстве.

Решение отслеживать перемещения интересующей меня семьи от помещика к помещику, было вызвано тем, что в разное время крестьяне одной и той же деревни относились к разным помещикам. На этом этапе работы пришлось прибегнуть к составлению различных таблиц, используя свои записи о помещиках. Определив примерный период, когда менялся владелец, за те годы я и искала дела. А зачастую из уже просмотренных дел я узнавала точную дату, когда то или иное имение перешло от одного помещика к другому. Да и в самих описях по разным фондам я искала дела, в которых упоминались эти помещики. Полученные дела я просматривала полностью, а то, что попадалось по помещикам Кубенским, Гневашевым, Сухаревым, Порошиным и некоторым другим, выписывала, иногда полностью, иногда делая короткие пометки.

В одном из дел 1847 года [42] меня заинтересовала фраза «надворная советница Александра Яковлева дочь вдова Кубенская». Это означало, что к этому времени А.И. Кубенский умер и в этом случае должны были быть какие-то документы по переходу имения к ней, а там должно было быть указано, от кого и когда он сам его получил. И поэтому завещание Кубенского А.И. стало очередным объектом поиска.

В делах палаты гражданского суда в разных описях за 1851 год оказались два дела, прочитав названия которых я сначала подумала, что они заведены по одному и тому же факту. Одно дело называлось «О составлении купчей женой надворного советника Александрой Яковлевой Кубенской на проданное имение с землею Екатерине Платоновой Поповой» [43], а второе — «О совершении купчей на проданное губернской секретаршей Екатериной Платоновой Поповой Г.Кубенской недвижимое имение» [44]. Но когда я их получила, то оказалось, что это разные дела, хотя объект, по поводу которого они были заведены — один и тот же.

В первом деле была купчая крепость от 21 февраля 1851 года, по которой вдова надворного советника Александра Яковлева Кубенская продала Катерине Платоновой Поповой доставшееся ей от мужа надворного советника А.И.Кубенского по духовному завещанию, утвержденному 27 апреля 1848 года в Вологодской палате гражданского суда, недвижимое имение, состоящее Вологодской губернии Грязовецкого уезда Комельской волости (изменение в названии волости связано с изменениями территориального деления) в деревнях Саблино и Куприяново и писанных в оных за Кубенской по последней 9 ревизии в деревне Саблино 25 душ и в деревне Куприяново 20 душ, «а всего 45 мужеска пола душ крестьян с их женами, вдовами, девками, рожденными от них после подачи ревизской сказки обоего пола детьми, пасынками,... со всеми их семействами, не раздробляя оных, с их крестьянскими всякого рода постройками, имуществом, со скотом, птицами, скотским кормом, хлебом наличным и в землю посеянным... и всякого качества землею, коей в сельце Неверовском..162 десятины, в деревне Саблино 71 десятина... и Куприяново 20 десятин...». Имена крестьян, кроме трех, которых Кубенская оставляла за собой, не указаны.

Но когда я посмотрела второе дело, то увидела, что это именно то, что я пыталась найти в разных архивных документах. Там тоже была купчая крепость, датированная 10 мая 1851 года, согласно которой губернская секретарша Екатерина Платонова Попова продала Александре Яковлевой Кубенской крепостное свое, доставшееся от помянутой Кубенской по купчей крепости от 21 февраля 1851 года, недвижимое имение, состоящее Вологодской губернии Грязовецкого уезда Комельской волости в деревне Куприяново, и «писанных в оной за Поповой ... крестьян без раздробления их семейств, а именно: Никиту Петрова с сыном Андреем с его женой Настасьей Артемьевой и детьми их..., Александра Федорова с женой

Марьей Ивановой; Ивана Прокопьева с первым сыном Александром...., со вторым сыном Леонтьем...., а всего десять мужеска пола душ» с их крестьянскими дворовыми строениями и т. д., земли в д.Куприяново 20 десятин.

И вот, наконец, те самые имена: «Оставляемых же за собой в означенной деревне Куприяново крестьян: а именно: вдову Филисату Петрову с детьми: сыновьями Григорьем, Иваном, Василием, Афиногеном и Алексеем, дочерьми: Анисьей, Филисатой, Александрой и Елизаветой; Доримедонта Никитина с женой Катериной Леонтьевой и детьми сыновьями Павлом, Федором, Лаврентием и Алексеем и дочерью Апполинарией, обязуюсь нынче же переселить и причислить к собственному своему населенному недвижимому имению Грязовецкого же уезда Комельской волости деревню Саблино». Теперь стало ясно, что в д. Саблино моих предков поселила помещица Попова Е.П. в 1851 году.

Упомянутый в купчей Никита Петров мог быть отцом Доримедонта, но мог и не быть, учитывая, что продавали их вроде бы «без раздробления семейства». Оставался еще вопрос о том, как звали отца детей Филисаты Петровой?

После ознакомления с указанными выше делами в зоне моих поисков оказалась деревня Куприяново, название которой попадалось мне и раньше. Просмотрев свои ранние записи, я обнаружила, что при работе с метрическими книгами 1848 года выписала деревни и помещиков по церкви Святителя Николая Чудотворца что в Комельской Слободе, в том числе и деревню Куприяново с пометкой, что это вотчина Александры Яковлевны Кубенской. Значит, я просматривала метрическую книгу этой церкви, когда искала Доримедонта, еще не зная его отчества. Видимо, в 1848 году никаких метрических записей, связанных с Доримедонтом, там не оказалось. Я решила узнать, были ли Шигаревские в приходе этой церкви перед революцией. Просмотрев исповедную ведомость Никольской Комельской церкви за 1915 год, установила, что ни в деревне Куприяново, ни в других деревнях прихода этой церкви Шигаревских не было.

Церковь эта находится ближе к городу Грязовцу, чем все остальные, которые меня интересовали ранее. Название ее в разные годы указывалось по разному: Николаевская Слободская что в Охотничьей Слободе, Николаевская Слободская, Николаевская что в Комельской Слободе, Никольская Комельская. По данной церкви в объединенном фонде церковью Вологодской епархии 1063 имеется отдельная опись 86, в которой оказались исповедные ведомости за 1842-1849 и 1851-1866 годы [45, 46], из которых я узнала, что в период с 1842 по 1847 год в деревне Куприяново были крестьяне Александра Кубенского, с 1848 по 1860 год — Александры Яковлевой Кубенской. С 1861 по 1866 годы крестьян ее уже не было в этой деревне и сама она там уже не упоминалась.

За период с 1842 по 1860 годы в исповедных ведомостях по деревне Куприяново не значатся семьи Доримедонта Никитина и Филисаты Петровой, которые, судя по указанным выше купчим крепостям, должны были там проживать. Нет в этих исповедных ведомостях и Александра Федорова. Проживали там с 1842 по 1856 годы из числа крестьян Кубенских семья Никиты Петрова с сыном Андреем Никитиным (с 1853 года уже без Никиты Петрова) и семья Ивана Прокопьева.

Так получилось, что дело с исповедными ведомостями за 1851-1866 г.г. я посмотрела первым, а потом дело за 1842-1849 г.г. Год за годом в деревне Куприяново повторялись одни и те же имена, казалось, что нет смысла дальше листать страницы. И вдруг, когда я смотрела 1848 год, в глаза бросилась строчка, завершающая перечисление членов семьи Никиты Петрова, после детей Андрея Никитина — «внук Федор Доримедонтов 11 лет». Как оказалось, этот внук Никиты Петрова значился в этой семье еще в 1846 и 1847 г.г., а я этого сразу и не заметила. А ведь эта строчка связала воедино целую семью, поскольку стало ясно, что Никита Петров — это отец Доримедонта, глава семьи, в которой по крайней

мере было два сына — Андрей и Доримедонт. В отношении Федора Никитина у меня все еще оставались сомнения из-за упоминавшегося ранее Федора Борисова. И появился новый вопрос — где же на самом деле жили, а не числились, Доримедонт Никитин, Фелисата Петрова и Александр Федоров со своими семьями, из какой деревни или сельца переселила их в деревню Саблино помещица Попова? Ведь если бы они проживали в деревне Куприяново, то и на исповедь ходили бы в ту же церковь, что и остальные. А их в исповедных ведомостях, как я уже отметила, не было ни за один год. Оставалось только гадать, жили ли они в сельце Неверовском или в каком-то другом месте. Что касается Фелисаты Петровой и Александра Федорова, то я предполагала, что это — жена и один из сыновей Федора Никитина.

Судя по исповедным ведомостям, Андрей Никитин со своей семьей жил в Куприянове до 1856 года, куда девался оттуда — на момент, когда я смотрела те дела, — было неясно. Как я тогда думала, я вряд ли буду заниматься их поисками. Я ведь не ставила перед собой цель составить полную родословную Шигаревских. Меня интересовал и интересует в первую очередь вопрос о их происхождении, а для этого нужно идти не вперед, а назад.

Итак, передо мной встал вопрос: где жили Доримедонт Никитин и Фелисата Петрова со своими семьями? В описях фонда 178 Вологодской палаты гражданского суда я нашла дело, которое называется «Об отпуске на волю кр-на д. Сабулихи Грязовецкого уезда Дмитрия Федорова секретаршей Верой Ивановой Порошиной» за 1853 год [47]. А задолго до этого в фонде Вологодской казенной палаты мне попало дело, которое называлось «О перечислении помещице Вере Порошиной 30 крестьян от помещицы Поповой», тоже датированное 1853 годом. Последнее дело я запрашивала, но оно оказалось ветхое и его не выдали. Вера Порошина была помещицей, к которой позднее (в 60-70 г.г.) относились деревни Саблино, Борисово и сельцо Неверовское. Сопоставив эти факты, я предположила, что 30 крестьян, которые были ей перечислены от Поповой — это те же самые, которых Попова купила у Кубенской в 1851 году, а значит, в их числе должны быть Доримедонт Никитин и Фелисата Петрова с детьми. Поэтому-то, увидев в названии дела об отпуске на волю Дмитрия Федорова фамилию Порошиной, а в названии деревни Сабулиха усмотрев неправильно прочитанное кем-то название деревни Саблино, я заказала это дело, и как оказалось, не зря.

Действительно, этот Дмитрий Федоров был из деревни Саблино. Но главным в этом деле для меня оказалось имеющееся там прошение помещицы В.И. Порошиной. В нем есть указание на то, что крестьянского сына д. Саблино Дмитрия Федорова она желает отпустить из недвижимого имения, состоящего в Грязовецком уезде в сельце Неверовском с деревней Саблино, доставшегося ей от Екатерины Платоновой Поповой по купчей крепости в 1853 году. Попытка найти эту купчую в первого раза успехом не увенчалась.

Вновь заказала дело о перечислении 30 крестьян [48]. На этот раз его опять не выдали, но оказалось, что по фонду 388 Вологодской казенной палаты дела начали вводить в компьютер и интересующее меня дело я могу просмотреть в электронном виде. Мои предположения подтвердились: это действительно оказалось дело о перечислении проданного Поповой Вере Ивановне Порошиной недвижимого имения в Грязовецком уезде в деревне Саблино и «писанных в оной и по деревне Куприяново по 9 ревизии за Г.Поповой, а по окладу числящихся по одной деревне Саблину крестьян, всего 30 мужеска пола душ». Среди них оказались Григорий, Иван, Василий, Анфиноген, Алексей Федоровы (нетрудно было догадаться, что это — сыновья Фелисаты Петровой), Доримедонт Никитин, Павел, Федор, Лаврентий и Алексей Дормидонтовы.

Такая вот запутанная история — по ревизии «писаны» в одном месте, по окладу числятся в другом, а живут — в третьем. Совсем как у нас иногда.

Поскольку теперь было совершенно ясно, что в деревне Куприяново была «писана» вся семья Никиты Петрова, нужно было устанавливать, когда она там появилась. И тут

я вспомнила, что в 1842 году А.И.Кубенский продал своей жене эту деревню, правда без крестьян. Повторно просмотрев по вотчинной книге 1842 года эту купчую крепость, я установила, что имение в д.Куприяново Кубенскому досталось «из дворян от девицы» Марья Алексеевой Волоцкой по купчей крепости от 1 июня 1837 года. В то же время, просматривая в очередной раз опись 86 фонда 1063 по Николаевской Комельской церкви, я обратила внимание на указанное в этой описи дело с названием «Ведомости о числе прихожан в церкви» за 1821-1833 г.г. [49]. Заказала это дело, предполагая, что в нем могут быть какие-то сведения о наличии в приходе лиц иностранного вероисповедания. Но совершенно неожиданно обнаружила, что это — исповедные ведомости, что оказалось как нельзя более кстати. Просмотрев их, я установила, что в деревне Куприяново в 1821-1822 г.г. была вотчина девицы Авдотьи Алексеевой Борисовой, а в соседней деревне Чернава — вотчина девицы Евгении Алексеевой Борисовой. С 1823 по 1833 г.г. крестьяне Борисовых из обеих этих деревень значились за помещицей вдовой Ольгой Васильевой Волоцкой. Все три указанные выше девицы — Волоцкая и Борисовы оказались ее дочерьми, что выяснилось случайно при просмотре одной из вотчинных книг. Среди крестьян, указанных в исповедных ведомостях 1821-1833 г.г., ни в деревне Куприяново, ни в деревне Чернава не было семьи Никиты Петрова. В других деревнях прихода Николаевской Комельской церкви ее также не оказалось.

В вотчинной книге за 1837 год [50] я нашла купчую крепость от 1 июня 1837 года, по которой М.А.Волоцкая продала А.И.Кубенскому крепостных крестьян, доставшихся ей от матери и от сестры, «состоящих в Вологодской губернии Грязовецкого уезда Комельской волости, писанных по 8 ревизии... в сельце Неверовском, Куприянове и деревне Чернавой... с их крестьянскими ... строениями.. и землю». В купчей перечислены крестьяне по каждой деревне. Семьи Никиты Петрова среди них нет.

Таким образом, определился временной промежуток с 1837 по 1842 г.г., когда семья Никиты Петрова оказалась у помещика Кубенского в деревне Куприяново — в июне 1837 года ее там еще не было, а в 1842 году Никита Петров со своими домочадцами уже записан в исповедной ведомости по деревне Куприяново. Я просмотрела все вотчинные, крестьянские, дворовые книги Вологодской палаты гражданского суда за этот период. Особое внимание уделяла записям по помещикам Гневашевым, т. к. предполагала, что именно от них данная семья могла перейти к Кубенскому. Я была почти уверена, что если отыщу эту купчую, то там окажутся нужные имена.

В крестьянских книгах Вологодской палаты гражданского суда за 1837 и 1840 годы [51, 52] оказались две записи — одна об отпуске на волю, а вторая — по купчей крепости, из которых усматривалось, что грязовецкая помещица из дворян девица Евпраксия Яковлева Сухарева купила у помещиц Марии и Клеопатры Гневашевых в 1835 году недвижимое имение в сельце Неверовском с крестьянами. Я к тому времени уже установила, что Евпраксия Яковлева Сухарева являлась сестрой Александры Яковлевой Кубенской. Поэтому решила, что мужу последней — Кубенскому А.И. купленные у Гневашевых крестьяне могли перейти от Сухаревой Е.Я. по любовному акту 1840 года, который я так и не смогла отыскать. Любовный акт — это документ, по которому стороны о чем-то любовно договариваются между собой, например о разделе имущества, земли и т. д.

В вотчинной книге за 1835 год [53] оказалась вышеупомянутая купчая крепость, по которой Клеопатра и Марья Васильевы Гневашевы продали Евпраксии Сухаревой крепостное свое недвижимое имение, состоящее в Грязовецком уезде в Комельской волости в сельце Неверовском — землю, постройки, покосы и прочее, а также крестьян, которых за Гневашевыми оказалось 16 душ с семействами. Все эти крестьяне с их семействами были в купчей перечислены. Семьи Никиты Петрова среди них опять не оказалось.

С сожалением пришлось констатировать тот факт, что в своих поисках в направлении Гневашевых я шла по ложному следу. У них в сельце Неверовском семьи Никиты Петрова не

было. То обстоятельство, что я никак не могла их найти там, где они вроде бы должны были быть, невольно расценивалось как свидетельство того, что они действительно появились в Грязовецком уезде откуда-то, возможно и из Польши. Но нужно было проверить все до конца.

Поскольку никаких других зацепок для продолжения поиска по делам 178 фонда у меня на тот момент больше не было, нужно было обращаться к метрическим книгам церковей Грязовецкого уезда из 10-й описи фонда 496 за период с 1837 по 1842 гг. Решила взять 1839 год — в 1839 году в Вологодскую губернию высылали из Польши лиц различных сословий за причастность к делу эмиссара Конарского.

Метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1839 год опять представляли собой огромный том, да к тому же пришлось брать еще и второй такой же, поскольку книги Иоанно-Предтеченской Косяковской и Богородско-Комельской церкви были в одном томе, а Николаевской что в Комельской Слободе — в другом [54, 55]. Но на этот раз хотя бы одну книгу я листала не напрасно. В метрической книге Иоанно-Предтеченской Косяковской церкви оказалось несколько записей по сельцу Неверовскому, в которых значились крестьяне и дворовые люди как Александры, так и Александра Кубенского, а также Евпраксии Сухаревой. Никто из членов семьи Никиты Петрова в этих записях не фигурировал. В метрической книге Николаевской церкви что в Комельской Слободе нашла записи о том, что в деревне Куприяново помещика А.И.Кубенского у крестьянина Александра Иванова родилась дочь, в другой записи приемником значился вотчины А.И.Кубенского деревни Куприянова крестьянский сын Леонтей Иванов. В разделе об умерших под № 11 за 27 июля оказалась следующая запись: «вотчины помещика Александра Иванова Кубенского дер. Чернава крестьянина Никиты Петрова жена Дарья Иванова, 61 год», причина смерти — «лихорадкой». Вот так мне стало известно имя моей прапрабабушки.

То, что это именно те, кого я искала, я не сомневалась, поскольку одновременно с упоминанием Никиты Петрова в Чернаве по д.Куприяново упоминались Александр и Леонтей Ивановы, это были сыновья Ивана Прокопьева, семью которого вместе с семьей Никиты Петрова купила Кубенская у Поповой в мае 1851 года. А временной промежуток, в котором мне нужно было продолжать свои поиски, сузился еще на несколько лет — с 1837 по 1839 год.

Просмотрев все, что только возможно, по фонду Вологодской палаты гражданского суда за указанный период, я убедилась, что с 1837 по 1839 год семью Никиты Петрова Кубенские не покупали, не получали по дарственным записям или от кого-либо по наследству. Если откинуть мысль о Польше, то сам собой напрашивался вывод — они перевезли эту семью в Грязовецкий уезд из какой-то другой своей деревни. Я даже предполагала, что это могла быть за деревня, точнее — две деревни. Дело в том, что просматривая дела за разные годы, я несколько раз встречала упоминание об Александре Яковлевне Кубенской как о кадниковской помещице. У нее были крестьяне в деревне Елизарово Новосельской волости Кадниковского уезда, которые ей достались в 1822 году по купчей крепости от Андрея Михайловича Кубенского (это — дядя ее мужа Кубенского А.И.) и в 1835 году по дарственной записи от матери Авдотьи Осиповны Сухаревой. Упоминание об этом встретилось мне в делах фонда Вологодской гражданской палаты [56, 57]. Кроме того, Кубенские были наследниками после смерти в 1825 году Андрея Михайловича Кубенского и могли получить по наследству от него крестьян из принадлежавшего ему сельца Окуловского Кадниковского уезда. Об этом я узнала из нескольких дел, которые рассматривались канцелярией Вологодского губернатора и Вологодским уездным судом в разные годы [58, 59]. Дела были связаны со спором между наследниками помещика Кубенского А.М. и помещика Ковалдина из-за принадлежности крестьян, а также о перечислении их в казенное ведомство. Я их просматривала, чтобы убедиться, не упоминаются ли там интересующие меня семьи.

До того, как начать новый этап поисков уже в Кадниковском уезде, я решила попытаться использовать еще один ценный источник информации — ревизские сказки. Когда я только начинала работу в архиве, то по поводу ревизских сказок было сказано, что они в ветхом состоянии и их не выдают. Поэтому до поры до времени вопроса по ним у меня не возникало. Но когда были исчерпаны другие источники информации, вновь встал вопрос о ревизских сказках. Как оказалось, не все они ветхие, некоторые дела выдаются. Просмотрев все описи фонда 388 Вологодской казенной палаты, я выписала дела по ревизским сказкам по 6-10 ревизиям (1811, 1816, 1834, 1850 и 1858 г.г.) по Грязовецкому, а заодно и по Кадниковскому уездам. Заказала дела по 8 и 9 ревизиям, т. е. за 1834 и 1850 г.г. Ревизия — это перепись податного населения, а ревизские сказки — своего рода переписные листы, но составлялись они не на одного человека, а в целом по деревне определенного помещика. В них по дворам, т. е. семьями, перечислялись принадлежащие помещику крестьяне и дворовые люди, с указанием родственных отношений между собой, возраста по предыдущей и по нынешней ревизии. Если имело место перемещение крестьян в период между ревизиями или кто-то умирал, то это тоже отмечалось. Родившиеся после предыдущей ревизии отмечались как новорожденные с указанием возраста. Ревизские сказки о помещичьих крестьянах собраны в большие дела по алфавиту по фамилиям помещиков. Есть и небольшие дела по одному помещику, но по интересующим меня таковых не оказалось.

Большинство дел находится в ветхом состоянии и их не выдали. Но мне повезло — дело, которое выдали за 1850 год по Грязовецкому уезду [60], оказалось как раз тем, которое мне и было нужно. В нем оказалась «Ревизская сказка тысяча восемьсот пятидесятого года октября пятого дня Вологодской губернии Грязовецкого уезда деревень Саблина и Куприянова надворной советницы Александры Яковлевой Кубенской о состоящих мужского и женского пола душах». Форма ревизской сказки предусматривала два раздела — о мужских душах и женских душах отдельно. У мужчин возраст указывался по предыдущей и нынешней ревизии, а у женщин — только по нынешней.

В деревне Саблино значились крестьяне, которые, судя по именам, в большинстве своем в эту деревню были переселены Кубенским А.И. из сельца Неверовского, деревень Куприяново и Чернава, которые он купил в 1837 году у Волоцкой М.А.

В ревизской сказке по деревне Куприяново оказалась записана под №1 многочисленная (28 человек) семья Никиты Петрова, 66 лет: Никитин сын Андрей, 44 года, Андреевы сыновья: Николай и Петр; Никиты Петрова сын Федор, возле имени которого стоит пометка, что он умер в 1846 году, а в 1834 году ему было 26 лет; Федоровы сыновья: Григорий, Александр, Иван, Василей, Анфиноген и Алексей; Никиты Петрова сын Дормидонт, 40 лет, Дормидонтовы сыновья: Павел, Федор, Лаврентий и Алексей; Андрея Никитина жена Настасья Артемьева и четыре дочери; Федора Никитина жена Филисата Петрова и четыре дочери; Дормидонта Никитина жена Катерина Львова и одна дочь. Таким образом, выяснилось, что Федор оказался все-таки Никитиным, а не Борисовым.

Теперь я имела полное представление о семье своих предков. Но относительно места фактического проживания большей части семейства, т. е. Федора и Дормидонта с их домочадцами, ясности не прибавилось. «Писаны»-то они действительно оказались все вместе, а вот где жили — это вопрос.

Не проясняла данная ревизская сказка и вопрос о том, откуда же появился в Грязовецком уезде Никита Петров со своими сыновьями и многочисленными внуками. Никакого указания на то, от кого они достались Кубенской, не было, хотя, что касается крестьян деревни Саблино, то там было указано, что достались по духовному завещанию от Кубенского А.И. Но ревизская сказка подсказала еще одну возможность выяснить это. Дело в том, что против имени одной из дочерей Андрея Никитина — Марьи отмечено: «Отпущена на волю 1859 года января 16». Можно было посмотреть, нет ли в в отпускной указания на то, каким

образом она оказалась у Кубенской А.Я.

Просмотрев опись 1 фонда 178 Вологодской палаты гражданского суда за данный период, я обнаружила там несколько дел об отпуске на волю крестьян помещицей А.Я. Кубенской. Одним из них оказалось дело о засвидетельствовании 16 января 1859 года отпускной, данной крестьянской девке Грязовецкого уезда деревни Куприяновой Марье Андреевой [61]. В деле имеется копия отпускной, датированная февралем 1851 года. Еще одно дело, за 1860 год, [62] оказалось о засвидетельствовании отпускной, данной А. Я. Кубенской крепостному ее человеку той же деревни Куприянова Александру Федорову с семьей. Но ни в которой из отпускных нет указания на то, от кого и когда отпускаемые на волю крестьяне достались этой помещице.

Кстати, что касается завещания Кубенского А.И., то я его нашла в делах Вологодской палаты гражданского суда, а также нашла несколько протоколов заседаний по рассмотрению в этой палате прошений Кубенской А. Я., связанных с завещанием мужа [63-65]. Но нигде не указано, что именно завещал Кубенский своей жене, есть только указание, что «все» завещает своей жене.

В деле с ревизскими сказками Грязовецкого уезда за 1834 год [66], которое я смогла посмотреть, были помещики с буквы «Г» по букву «К», но Кубенских там не оказалось. А просмотрев ревизскую сказку по нескольким селениям, в том числе и по сельцу Неверовскому, помещиц Клеопатры и Марьи Васильевых Гневашевых, я обнаружила там записи, касающиеся помещиков Сухаревой Е. Я. и Кубенских А. И. и А. Я. Это были записи о перечислении крестьян по указам казенной палаты, часть из них относилась к сельцу Неверовскому. Некоторые из них содержали уже известные мне сведения, а о содержании некоторых я могла только догадываться.

Два указа: от 27 июля 1840 года о перечислении из сельца Неверовского 15 душ мужеска пола за помещика Александра Кубенкова и от 15 марта 1841 года о перечислении означенных 15 душ за него же Кубенкова в деревню Саблино, как я думаю, связаны с полюбовным актом между ним и Сухаревой, который я не смогла найти. По всей видимости, Сухарева и Кубенский полюбовно между собой разделили какое-то имущество, при этом эти 15 душ достались ему и он их после приобретения у Беклемишевой деревни Саблино перевез туда. Самой большой загадкой представлялся для меня третий указ — от 30 марта 1842 года о перечислении из числа 15 мужеска пола душ из-за Александра Кубенского по сельцу Неверовскому 13 душ за его жену Александру Кубенскую. Ведь у него уже не должно было быть там крестьян, если он их перевез в д.Саблино.

В фонде Вологодской казенной палаты не оказалось отдельных дел с указами, поэтому вновь предстоял поиск по журналам заседаний, только теперь уже по журналам этой палаты, а не палаты гражданского суда. Особой надежды найти нужные указы у меня не было, т. к. в описях фонда оказались журналы не за все месяцы 1840-1842 гг. Так и оказалось, нужные мне указы я найти не смогла. Но проделанная работа, как оказалось, не пропала впустую. Просматривая один из журналов за 1842 год [67], я обратила внимание, что в конце протоколов, где речь идет о перечислении крестьян от помещика к помещику, имеется указание «...перечислить в деревню....за...., о чем Вологодского Губернского предводителя дворянства уведомить». Эта фраза указала на новый источник информации, крайне для меня неожиданный, поскольку мне даже в голову бы не пришло, что в делах Губернского предводителя дворянства я могу найти информацию о крепостных крестьянах.

Опись фонда 31 Вологодского Губернского предводителя дворянства порадовала. В ней я нашла дела о перечислении дворянских имений (крестьян) за несколько лет. В деле за 1841 год [68] оказалось сообщение казенной палаты от 4 августа, из которого видно, что казенная палата рассматривала прошение Александры Яковлевой Кубенской с приложением

дарственной записи о перечислении за ней доставшихся ей по данной записи от родительницы ее Авдотьи Осиповой Сухаревой из Новгородской губернии в здешнюю 3-х мужеска пола душ. Этими душами оказались уже известные мне крестьянин Иван Прокопьев с двумя сыновьями Александром и Леонтьем. В Новгородской губернии они числились по 8 ревизии за Сухаревой А.О. по Белозерскому уезду, а с начала 1841 года причислялись к имению Кубенской А. Я. в сельцо Скрябино Грязовецкого уезда к «состоящим по оному за нею в оном сельце 12 мужеска пола душам».

Надо сказать, что сельцо Скрябино, находившееся неподалеку от деревни Саблино, на протяжении моей работы с архивными документами несколько раз встречалось мне, а поскольку там было имение Кубенской, то я все это фиксировала в своих записях. Несмотря на это, оно оставалось как бы в стороне от моих изысканий, поскольку среди упоминавшихся по этому сельцу в разное время крестьян интересующих меня не было и Шигаревских перед революцией там тоже не было.

Среди своих старых записей я обнаружила выписку из журнала заседаний Вологодской палаты гражданского суда за июнь 1837 года [69]. Насколько я тогда поняла, речь шла о получении от Кубенской А.Я. каких-то денег в пользу Приказа общественного призрения, упоминалось имение в сельце Скрябине и там 12 душ. Никаких имен в этом документе не было.

В деле губернского предводителя дворянства за 1835-1837 г.г. о перечислении дворянских имений [70] оказался указ казенной палаты от 23 июня 1837 года по прошению титулярной советницы Александры Яковлевой Кубенский о перечислении переводимых ею из Кадниковского в Грязовецкий уезд «мужеска пола 9 и женска пола 11 душ, состоящих и писанных за нею по 8 ревизии» крестьян из Кадниковского уезда Новосельской волости деревни Елизарово. Все переводимые крестьяне указаны поименно с указанием возраста по ревизии 1834 года. И этими девятью «мужеска пола» душами оказались Никита Петров, его сыновья и внуки: Андрей Никитин с сыном Николаем; Федор Никитин с сыновьями Григорьем, Александром, Иваном; Дормидонт Никитин с сыном Павлом.

Таким образом, мое предположение о том, что Кубенская А.Я. переселила семью Никиты Петрова в Грязовецкий уезд из Кадниковского уезда, нашло документальное подтверждение. Но самое интересное заключалось в том, куда она их переселяла. Указом казенной палаты семья Никиты Петрова с начала 1837 года перечислялась, согласно прошению Кубенской, в сельцо Скрябино Комельской волости Грязовецкого уезда.

Все. Круг поисков по Грязовецкому уезду замкнулся.

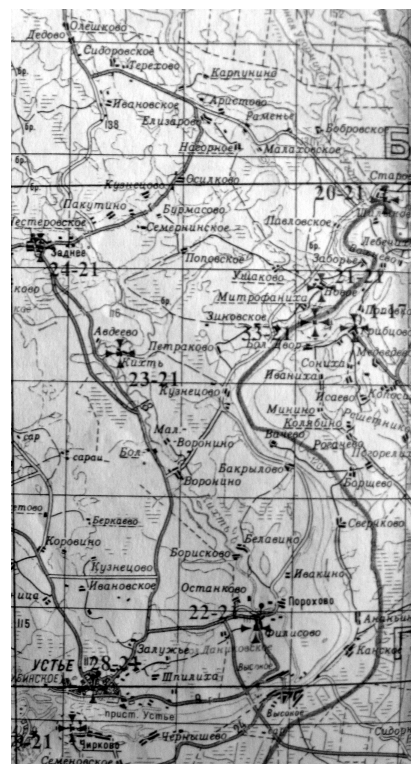
Начав поиски своих предков с деревни Саблино в 1916-1917 г.г., пройдя через множество других деревень, я вернулась практически в то же самое место, поскольку деревни Саблино и Скрябино находились почти рядом друг с другом. Но по времени это оказалось на 80 лет раньше.

С 1837 года начинается новый этап моих поисков, уже в Кадниковском уезде. Удастся ли мне найти исходную точку странствий своих предков, вот вопрос? Кто знает, как далеко уведет меня нить расследования этого запутанного дела, связанного с куплей-продажей людей?

Часть вторая. На речке на Кривуле

Деревня Елизарово Новосельской волости Кадниковского уезда — по списку населенных мест Российской империи 1859 года по Вологодской губернии [71] значится под № 3782 — Елизарово при речке Угорме, 50 верст от уездного города, 8 дворов. Ныне это территория Усть-Кубенского района Вологодской области. Относилась эта деревня к приходу

Новосельской Николаевской церкви. Среди близлежащих церквей — Заднесельская Георгиевская, Старосельская Николаевская и др.

Изучение архивных документов по Кадниковскому уезду я начала с ревизских сказок 1834 года как наиболее приближенных по времени к дате перевода семьи Никиты Петрова в Грязовецкий уезд. Но среди них не оказалось ревизских сказок помещиков Кубенских. Часть дел оказалась ветхими, их не выдали.

Исповедные ведомости по Кадниковскому уезду в описи 19 фонда 496 Вологодской духовной консистории имеются с 1781 по 1816 гг. С последнего года [72] я и начала их просмотр с интервалом в несколько лет. В росписи (так называлась тогда исповедная ведомость) церкви Николая Чудотворца что в Новом Селе за 1816 год оказалась вотчины Кубенского деревня Елозарово, а в ней под № 107 — семья Никиты Петрова с женой Дарьей Ивановой и детьми: Максимом, Андреем, Федором, Доримедонтом, Акилиной и Василием. В той же деревне у Кубенского были еще два крестьянских двора, в одном из которых значилась вдова Васса Федорова с сыном Иваном Ивановым.

В росписях за 1810 и 1805 годы [73, 74] все эти три двора в деревне Елозарово (Елизарово) значились как вотчина Николая Степановича Бердяева. В первом из них был записан Иван Алексеев с женой Вассой Федоровой и сыном Иваном. Во втором — семья Никиты Петрова с женой Дарьей Ивановой и сыновьями: Максимом и Андреем — в 1805 году, Максимом, Андреем, Федором и Доримедонтом — в 1810 году. Деревень Кубенского за эти годы в этой церкви не оказалось. Получалось, что к Кубенскому д.Елизарово перешла от Бердяева в период с 1810 по 1816 г.г.

Среди моих прежних записей по делам палаты гражданского суда оказалась уже упоминавшаяся мной выписка из вотчинной книги 1837 года [56], из которой явствовало, что 30 января 1837 года А.Я. Кубенская продала П.Ф.Ласковскому из крепостного имения, доставшегося ей от А.М.Кубенского по купчей крепости от 9 марта 1822 года в указанной деревне Елизарово, двух крестьян. Поэтому следующим моим шагом было отыскание этой купчей, чтобы установить, когда это имение было приобретено А.М.Кубенским. Большого труда это не составило, купчая оказалась в вотчинной книге Вологодской палаты гражданского суда за 1822 год [75]. Из нее следовало, что Андрей Михайлович Кубенский продал

Кубенской Александре Яковлевне недвижимое имение, доставшееся ему от покойной жены — Катерины Алексеевны Кубенской по духовному завещанию, и «писанных ... в Кадниковской округе Новосельской волости по деревне Елизаровой крестьян всего мужеска пола десять душ с женами их и рожденными после ревизии обоего пола детьми и со внучаты». То есть от Бердяева д.Елизарово перешла сначала к жене Кубенского А.М. В дальнейшем мне предстояло найти документы по этому переходу, а также духовное завещание Кубенской К.А.

Я продолжала просматривать исповедные ведомости. Нужно было найти семью, в которой жил Никита Петров, до того, как оказался в д.Елизарово, поскольку в этой деревне Петров не было. В росписи Кадниковского уезда церкви Николая Чудотворца что в Новом Селе за 1795 год [76] меня заинтересовала запись по вотчине того же Николая Степановича Бердяева — деревне Ушаково. В одном из дворов там были записаны Максим Никифоров, брат его Петр, их сестра Федора, жена Петра Офимья Ярофеева, их сыновья: Илья, Николай, Никита, Степан, Григорий и прочие члены семьи. Сыну Петра Никифорова — Никите было тогда 14 лет. Просмотрев всю исповедную ведомость указанной церкви, я установила, что в других деревнях семей, в которых значились бы Петр с сыном Никитой, не было.

В вотчине Н.С. Бердяева в деревне Елизарово в 1795 году было также три двора, в первом тот же Иван Алексеев с женой Вассой Федоровой, а во втором — тоже Иван Алексеев на два года младше первого с женой Настасьей Федоровой и дочерью Дарьей, 12 лет. Сопоставив записи по д.Ушаково и д.Елозарово (Елизарово) за 1795 и 1805 годы, я была уверена, что взяв следующее дело в интервале между этими датами, я найду Никиту Петрова уже не в Ушакове, а в Елизарове.

Так и оказалось. В росписи церкви Николая Чудотворца что в Новом Селе за 1800 год [77] в семье Петра Никифорова в д.Ушаково сына Никиты действительно не было, а во втором дворе в вотчине Бердяева д.Елизарово состав семьи тоже изменился. Там значились вдовый Иван Алексеев, зять его Никита Петров 19-ти лет и жена его Дарья Иванова 17-ти лет.

Одновременно с изучением исповедных ведомостей, я продолжала просматривать различные документы других фондов — Вологодской палаты гражданского суда, Вологодского губернского предводителя дворянства, Кадниковского уездного суда и др.

В деле Кадниковского уездного суда на записку купчих крепостей на землю и имения за 1813 год [78] в записях по прошению Челищева Н.Г. оказалась купчая от 25 октября 1813 года, по которой кадниковский помещик Н.С.Бердяев продал Челищеву часть из крепостного своего имения, доставшегося ему по наследству после покойного дяди его родного полковника Петра Ивановича Ичранина (тут возле фамилия я поставила знак вопроса, т. к. засомневалась, что правильно ее прочитала). В этой записи важным было не то, что и кому было продано, а то, что удалось установить, от кого Бердяев получил наследство, среди которого могли оказаться интересующие меня деревни Ушаково и Елизарово с крестьянами.

В другом аналогичном деле того же суда за 1815 год [79] по прошению Унковского М.А. была копия купчей от 24 июня 1815 года, по которой Наталья Алексеева и дочери ее девицы Федосья, Анна, Елизавета Николаевы дочери Бердяевы, гвардии порутчица Александра по мужу Дедюлина и подпорутчица Наталья по мужу Булыгина продали Унковскому часть из крепостного своего, состоящего не в разделе между ними недвижимого имения, доставшегося им после покойного мужа и родителя Николая Степанова сына Бердяева по наследству. Тут опять-таки важно было не то, что и кому продавали, а то, что посредством этой купчей удалось установить, что в 1815 году Н.С.Бердяева уже не было в живых. Получалось, что умер он в период с 1813 по 1815 год, и за этот период нужно было искать дела, связанные с его наследством, в которых можно было найти указание, от кого и когда он сам

получил имения, в том числе и крестьян. Это дало бы еще одно направление поиска. И к Кубенской Катерине Алексеевне д. Елизарово могла перейти от Бердяева не позднее 1815 года.

Ну, а пока я продолжала знакомиться с исповедными ведомостями церковей Кадниковского уезда, продвигаясь к началу описи, а также с ревизскими сказками. Ревизские сказки за 1816 год мне ничего не дали, ни по Бердяевым, ни по Кубенским их не оказалось.

В росписи церкви Николая Чудотворца что в Новом Селе за 1782 год [80] в вотчине Н.С.Бердяева деревне Ушаково я нашла семью вдовы Натальи Михайловой с детьми: Максимом, Петром, дочерью Федорой, у Петра жена Евфимья Ерофеева и сыновья Илья и Николай. Судя по составу, это была та же самая семья что в 1800 году. Только Никита еще не родился. А в написании имени жены Петра очередные разночтения. В деревне Елизарово оказалась только одна большая семья вдового Алексея Осипова с сыновьями Иваном 33 лет и Иваном 32 лет, у Ивана жена Васса Федорова, у Ивана меньшого жена Настасья Федорова и т. д.

До 1780 года по существовавшему тогда территориальному делению Кадниковского уезда не было, а был большой Вологодский уезд и на его территории находились указанные выше деревни. Поэтому дальнейший поиск я продолжала по исповедным ведомостям (росписям) церковей Вологодского уезда.

В росписи церкви Николая Чудотворца что в Новом Селе за 1775 год [81] я обнаружила запись по поместью Петра Иванова сына Кукарина в деревне Ушаково, в которой значились в одном дворе Никифор Борисов, жена его Наталья Михайлова и их дети: дочь Федора и сын Петр, жена Петра Офимья Ярофеева. Что касается деревни Елизарово, то у нее оказался другой владелец, она значилась как поместье Федора Иванова сына Самарина и в ней в одном дворе была семья уже известного мне Алексея Осипова с женой Пелагеей Никитиной, их сыновьями — двумя Иванами и др. В 1770 году [82] деревня Ушаково тоже была у Петра Иванова сына Кукарина, значилась там и семья Никифора Борисова.

А вот в 1765 году [83] в росписях церкви Николая Чудотворца что в Новом Селе среди поместий П.И.Кукарина деревни Ушаково не значилось. Не значилась в этих росписях и семья Никифора Борисова. В поисках деревни Ушаково и семьи Никифора Борисова я стала просматривать росписи близлежащих церковей и в росписи церкви Великомученика Георгия что в Заднем Селе обнаружила несколько деревень Лейб-гвардии Измайловского полка полковника Петра Ивановича Кукарина. Ушакова среди них не было, а семью Никифора Борисова я обнаружила в другой деревне Кукарина — в деревне Кошеварово. В этой деревне в одном дворе значились 24 человека, среди которых оказался и Никифор Борисов с женой Натальей Михайловой, сыновьями Максимом, Иваном, Петром и дочерью Федорой. В этой же деревне в других дворах оказалось несколько человек с отчеством Борисовы.

То обстоятельство, что Петр Иванович Кукарин оказался полковником, заставляло думать, что тот полковник Петр Иванович, в прочтении фамилии которого я ранее засомневалась и который был родным дядей Н.С.Бердяева, и есть этот самый Кукарин. Так оно и оказалось.

В фонде 239 Кадниковского уездного суда я обнаружила два очень интересных дела, связанных с переходом имения от П.И.Кукарина к Н.С.Бердяеву. Дело, которое я получила первым, имеет следующее название: «Дело по Указу Вологодского верхнего земского суда о передаче недвижимого имения помещику Бердяеву» и датировано 1788-1792 гг. [84]. При первом взгляде на содержащиеся в нем бумаги хотелось сразу же отложить его в сторону — таким нечитаемым казался текст, написанный скорописью того времени. Но все-таки, потратив на прочтение основного документа на 20-ти листах полтора дня, мне удалось более или менее разобраться в том, что там написано.

Основным документом оказалась справка из архива (скорее всего из архива казенной палаты). Тут я столкнулась с неизвестным мне ранее написанием годов — из трех цифр, например, 136, 137, 138, 174 и т. д. Как я потом выяснила в Интернете, тут опускалась первая цифра «7», полностью должно выглядеть так: 7136, 7137, 7138, 7174. Таким образом указывались года по летоисчислению от Сотворения мира, которое использовалось в России до 1700 года, когда Указом Петра-I было введено летоисчисление от Рождества Христова. Чтобы установить год от Рождества Христова, необходимо от года от Сотворения мира вычесть 5508 лет. Например, 7185 год от Сотворения мира минус 5508 лет получается 1677 год от Рождества Христова.

По справке из архива со ссылкой на писцовые книги «письма...Федора Воронцова-Вельяминова да дьяка Савина Завесина «136», «137» «138» (т. е. 1628, 1629, 1630 гг.) и более поздние годы расписано, что входило в поместье, а потом в вотчину нескольких поколений помещиков Кукариных, но речь идет в основном о количестве и качестве земли. Так, в частности, за Титом Савельевым сыном Кукариным «в деревне Кошеварово на речке на Кривуле добрые земли тридцать четвертей сосминою».... В 1639 году «Титово поместье Кукарина дано сыну его Елизарию Кукарину в поместье со всеми угодьями», в 1677 году Елизарьево поместье и вотчина «справлены» за его сыновьями Иваном Елизарьевым и Максимом Елизарьевым Кукариными.

В 1721 году «били челом» генерального флота подъячий Иван Максимов сын Кукарин и Иван Елизарьев сын Кукарин. Последний просил поместья его и вотчины в разных городах за племянником его Иваном Кукариным (т. е. за Иваном Максимовым) «справить». В документе указывается большой перечень этих поместий и вотчин.

Подробно расписана в архивной справке история имения в деревне Елизарово, которое дано было отцу Никиты Гаврилова сына Микулина «за Московское осадное сидение королевичева прихода 127 году» (1619 г.), и дальнейший переход этого имения от одного члена семьи к другому, в том числе к Настасье Семеновой Микулиной и мужу ее Федору Самарину. Наследниками Самарина д. Елизарово была продана в 1773 году жене Петра Ивановича Кукарина.

В марте 1790 года имения и вотчины после покойного дяди Петра Ивановича Кукарина и по разделу с братьями было отказано Николаю Степановичу Бердяеву. Среди них, в частности в Кадниковском уезде Новосельской волости две части деревни Ушаково, третья часть деревни Елизаровой.

В этом же деле имеется документ от 15 ноября 1792 года, составленный с выходом на место земским исправником и дворянскими заседателями, о том, что именно было отказано (т.е. передано в собственность) Н.С.Бердяеву по Новосельской волости, т.е. сколько где земель и «на оных землях живущих крестьян». По каждой деревне имеется подворное перечисление крестьян. По деревне Ушаково значатся во дворе Максима Никифорова, холостого, брат его Петр и сестра их девка Федора, Петрова жена Афимья Ерофеева, дети их: Илья, женатый, Николай, Никита, Степан и Григорий, холостые. По деревне Елизарово значатся, в частности, во дворе Ивана Алексеева жена его Настасья Федорова, сын Александр и дочь Дарья.

Второе заинтересовавшее меня дело Кадниковского уездного суда называется «Дело о закреплении недвижимого имения за помещиком Николаем Бердяевым, оставшееся после дяди его Кукарина», датировано оно 1785-1799 годами [85]. В Указе Вологодского верхнего земского суда, поступившем в уездный суд, написано: «Кадниковский помещик коллежский ассессор Николай Степанов сын Бердяев челобитьем прописывает: дошло ему ... наследство после покойного дяди его по матери родного полковника Петра Иванова сына Кукарина и по разделу с братьями его родными Львом и Алексеем Бердяевыми, а ему дяде его Петру

Кукарину дошедшее по наследству после прадеда ево..., прапрадеда Елизара Титова сына Кукарина, а оному прапрадеду в 7183 году ноября 30 дня пожалованное от Великого Государя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великая и Малыя и Белыя Россия Самодержца за похвальную его службу и храбрость движимое и недвижимое имение с людьми и со крестьяны, состоящее Вологодского наместничества в Кадниковской округе в волости села Егорьевского Заднего в сельце, что была деревня Поповской, в деревне Кошеваровой на речке на Кривуле»...(далее перечисляется еще ряд деревень и пустошей). Поскольку вышеописанное имение за ним, Бердяевым, еще не было «справлено и отказано», он и просит это сделать

В этом же деле имеется копия указанной выше жалованной грамоты: «Божию милостию мы Великий Государь и Великий Князь Алексей Михайлович, Всея Великие и Малые и Белые России Самодержец по своему царскому милосердному усмотрению пожаловали Елизарья Титовича Кукарина за его к нам Великому Государю царю и Великому Князю Алексею Михайловичу.... и к нашим благородным чадам... царевичу и Великому Князю Алексею Алексеевичу..... и ко всему московскому государству многую службу, которая всчалась в прошлом в 162 году после поляновского докончения что во многие разрушились после вечного миру противенство учинено.....и с касимовскими и с сибирскими из бояры нашими и воеводы и со многими ратными людьми на польское и литовское королевство ходили; и смоленск и вилну и брест иные многие города в литве и на белой россии поймали и коруны польские княжества литовского в дальних местах в походе великое одолжение учинилось», далее перечисляются прочие заслуги Елизария Кукарина, связанные с учинением договора на перемирие с польскими и литовскими послами и пр. «За те службы, которые сначала в нашем Великого Государя в царственном зблагодарении всесильного бога в походе были и во все лета тое войны с полки в разных походах много одоление над противными славно по всему свету показали пожаловали ево Елизарья Кукарина похвалей его службу промыслы и храбрость в роды и роды.... из его поместья в вотчины в Вологодском уезде в волости села Егорьевского Заднего», далее перечисляются деревни и пустоши, которые из поместья переводятся в вотчину, в том числе и деревня Кошеварово «на речке на Кривуле». «Та вотчина ему Елизарью Кукарину и его детям и внучатам и правнучатам в роды неподвижно, чтоб наше царское жалованье...последним родом было на память.... а в той вотчине он Елизарей Кукарин дети ево внучата и правнучата по нашему царскому жалованью вольны и продать и заложить и в приданое дать...». Подписана жалованная грамота царем Алексеем Михайловичем «в царствующем граде Москве лета 7183го ноября в 30 день...».

В этом же деле имеется документ, датированный 19 сентября 1786 года, по которому Н.С. Бердяеву было отказано имение в Задносельской волости, состоящее из деревень, пашен, пустошей «и на оных землях живущих крестьян», в их числе и крестьяне деревни Кошеварово. В этой деревне оказалось очень много Борисовичей, но Борисов не было.

Из этих дел стало ясно, что искать своих предков мне нужно у помещиков Кукариных, которым с давних пор принадлежали деревни, где они жили. А еще одним подтверждением этому послужила купчая крепость в книге записи проданных земель и душ от одного владельца к другому за 1811 год из фонда Вологодской палаты гражданского суда [86]. Датирована эта купчая крепость таким образом «Лета тысяча восемь сот первого на десят ноября в двадцать девятый день». По ней Н.С.Бердяев продал Катерине Алексеевой дочери жене Кубенской движимое и недвижимое имение, доставшееся ему после покойного дяди его родного полковника Петра Иванова Кукарина и по разделу с братьями Львом и Алексеем Степановыми Бердяевыми, состоящее Кадниковской округи Новосельской волости, «писанных» за ним по пятой ревизии в д.Елизарове крестьян, далее перечисляются их имена и среди них Никита Петров с женой Дарьей Ивановой и после ревизии рожденные их дети: сыновья Максим, Андрей, Федор и Доримедонт, всего мужеска пола девять душ, со всеми их крестьянскими постройками, землей, со скотом и т. д. Эта купчая явилась документальным

подтверждением того, что Никита Петров из вотчины помещика Андрея Михайловича Кубенского в д.Елозарове — это тот же самый Никита, что значился в вотчине Н.С.Бердяева в семье Петра Никифорова, а последний, в свою очередь, — это тот же самый Петр из семьи Никифора Борисова, что была в вотчине Бердяева Н.С., а до него — у Кукарина П.И.

Самая ранняя исповедная ведомость Вологодского уезда, которая есть в нашем архиве, относится к 1720 году, но она оказалась ветхой, ее не выдали. А за период с 1721 по 1737 годы я просмотрела исповедные ведомости (росписи) за 14 лет [87]. К сожалению, за некоторые годы в делах или не оказалось нужных мне церквей, или в этих церквях я не нашла нужных деревень. В целом картина за этот период получилась такая:

В 1721, 1723 гг. в деревне Кошеварово Заднесельской волости были крестьяне Ивана Елизарьева сына Кукарина, среди которых не оказалось ни одного Бориса, и Ивана Максимова сына Кукарина, в числе которых был Борис Васильев. В самых ранних исповедных ведомостях крестьяне записаны без разделения на дворы и без указания родственных связей, о них можно только догадываться. Не указан и возраст. После Бориса Васильева записаны Татьяна Ларионова и несколько крестьян с отчеством Борисовы. Но Никифора Борисова среди них нет.

Из росписей 1727, 1729, 1731 гг. я установила, что Татьяна Ларионова — жена Бориса Васильева, у него же четыре сына — Осип, Мартемьян, Степан и Трофим. У меня вначале была полная уверенность, что этот Борис Васильев и есть отец Никифора Борисова, хотя последнего вообще не было в числе крестьян в д.Кошеварово за эти годы. Но потом появились серьезные сомнения, т. к. в исповедных ведомостях 1722-1727 гг. у того же Ивана Максимова сына Кукарина в деревне Ушаково оказался дворовый человек Борис Федоров с женой Маврой и дочерью Маремьяной, там же дворовый человек Михайло Федоров с женой Катериной. Но Никифора Борисова не оказалось и в деревне Ушаково.

В росписи за 1737 год дворовый человек И.М.Кукарина Борис Федоров, 70-ти лет, оказался в сельце Поповском. В то же время Михайло Федорова с женой Катериной Федоровой я обнаружила у того же Кукарина в деревне Кошеварово, а вместе с ним был записан зять его Никифор Борисов, 30 лет, с женой Натальей Михайловой, 25 лет, и годовалым сыном Максимом. Тут, пожалуй, нужно сказать, что деревни Ушаково, Кошеварово и сельцо Поповское находились в непосредственной близости друг от друга, в чем я убедилась, когда в музее посмотрела карту Кадниковского уезда.

Надо отметить, что ни в одной из других деревень Заднесельской и Новосельской волостей за просмотренные мной годы Никифора Борисова не было. Где он обретался до 1737 года, для меня так и остается загадкой. Никакого точного указания на его родственные связи с которым-нибудь из Борисов — Борисом Васильевым из деревни Кошеварово или Борисом Федоровым из деревни Ушаково — в просмотренных мной делах нет. Я предприняла попытки выяснить это, просмотрев ревизские сказки 1747-1762 гг., которые имеются в архиве, но большинство их оказались ветхими, а в тех, которые выдали, не оказалось нужных деревень и нужных помещиков.

Кстати, недавно мне пришла в голову идея. Я вспомнила об одном деле из фонда 496, которое называется «Дело по Указу консистории о представлении сведений на родившихся и умерших лиц польского происхождения», датированное 1734 годом [89]. Я его смотрела одним из первых дел 18-го века, поэтому еще совсем плохо разбиралась в написании слов. Некоторые из содержащихся в нем бумаг так и не смогла прочитать, а в тех, в которых более-менее удалось разобраться, речь шла о «недорослях» офицерского, шляхетского и иных сословий, «кто где находится или в отпуске». Так вот, в одной из этих бумаг от имени попа церкви Великомученника Георгия что в Заднем Селе от 18 декабря 1734 года указано: «... у нас имеется шляхетство ... в сельце Поповском Иван Максимов сын Кукарин у него

дети сын Петр трех лет, который съехал в Санкт-Петербург...». По всей видимости, у Кукариных был дом в Санкт-Петербурге, и вполне возможно, что некоторые их дворовые люди из Вологодского уезда служили там, например сын дворового человека из деревни Поповской Бориса Федорова Никифор Борисов. Может быть, этим и объясняется отсутствие его имени в исповедных ведомостях в период до 1737 года?

До появления этой идеи, анализируя записи в исповедных ведомостях 1743, 1748, 1853 и 1754 г.г. [90], я пришла к выводу, что Никифор Борисов связан родством с семьей Бориса Васильева из деревни Кошеварово и с предполагаемыми мною как его братьями Андреем Васильевым и Титом Васильевым, которые жили там же. Дело в том, что в эти годы Никифор Борисов оказывался в одних дворах с семьями то одного, то другого из них. Но поскольку никакого указания на то, кем он им приходился, нет, то одни предположения, пусть и достаточно обоснованные, так и остаются предположениями.

В архиве Вологодской области за период, предшествующий самым ранним исповедным ведомостям, т. е. еще до 1720-1721 г.г., имеются некоторые дела другого характера, по которым можно попытаться отыскать своих предков. Я имею в виду книги сбора вечных пошлин и вечные памяти. К моему глубокому сожалению я слишком поздно о них узнала. Когда я начала с ними знакомиться, то поняла, что в некоторых делах с исповедными ведомостями начала XVIII века, которые я ранее посмотрела, мне попадались такие бумаги, но я их пропускала, поскольку в названиях их фигурировали какие-то попы-закащики и названия других церквей, нежели те, что меня интересовали, а тратить время на то, чтобы разобрать текст вроде бы не нужных тебе бумаг не хочется, его и так постоянно не хватает.

Но после того, как я узнала о существовании дел такого характера как книга сбора вечных пошлин и о вечных памятях, я тщательно просмотрела описи фонда 496 Вологодской духовной консистории, где оказались такие дела с 1709 года. Когда начала смотреть их, то опять столкнулась с тем, о чем раньше не знала, а если и знала, то давно забыла. Я имею в виду написание цифр буквами кириллицы. Пришлось в Интернете искать. Но как-то так получилось, что большое количество цифр (букв) так и не удавалось разобрать. Там иной раз такие загогулины, что и не поймешь, какая буква изображена. У каждого свой почерк.

Вечные пошлины взыскивались при вступлении в брак поповскими закащиками, вечные памяти посылались ими священникам тех церквей, из прихода которых были вступающие в брак.

Немного отступая от хода моей работы в архиве, хочу в качестве примера привести текст одной вечной памяти из книги «Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном Древнехранилище», с которой я позднее ознакомилась в Вологодской областной библиотеке имени И.В.Бабушкина. Звучит она так: «Лета 7164 генваря в 16 по Указу... память на Етку Васильевскому попу Данилу. Женится Козма Степанов вторым браком, понимает Хрестину Прокофьеву первым браком. Ты б про них обыскал, чтоб ни в роду, ни в племени, ни в крестном братстве, ни в кумовстве, ни в сватовстве безо всякого пороку, и обыскав их, буде не в роду, и их бы венчал...». [91]

Есть еще дела с прошениями о разрешении на вступление в брак, связаны они прежде всего с наличием родственных связей между желающими вступить в брак. По поводу наличия или отсутствия какого-то родства между ними составлялись брачные обыски. Оказывается, даже духовное родство между крестными и крестниками приравнивалось с кровному родству, и по этой причине следовал отказ на вступление в брак.

Я просмотрела довольно большое количество указанных выше дел начала XVIII века. Среди брачных обысков и прошений на вступление в брак сведений об интересующих меня людях я не нашла. А вот среди записей о венчании по разным церквям епархии в де-

ле с аналогичным названием за 1716-1723 г.г. [92] нашла запись, как я думаю, по самому далекому из известных мне предков — Михаилу Федорову. Среди записей в этом деле за 1720 год в книге Вологодского уезда Новосельской волости поповского закащика Архангельского попа Исидора о венчании свадеб записано «того числа (кириллицей указано число) женится вдовы Марфы Дмитриевой дочери Максимовской жены Кукарина челядь ее сельца Ушакова Михайло Федоров. Понимает вотчины Глушицкого монастыря крестьянку деревни Бесолива(?) Екатерину Федорову дочь, оба вторым браком».

Думаю, что к нему относится и следующая запись, которую я нашла в аналогичном деле 1713 года [93] — «дана память ... попу Ефимью женится Максима Елизарьева сына Кукарина крестьянин Михаил Федоров сельца Поповского. Понимает того же помещика крестьянку Каптелину Антропьеву дочь деревни Ушакова оба первым браком. Венчан... февраля в..день венечныя пошлина взята...». С большой долей вероятности можно предположить, что это запись о вступлении в первый брак того самого Михаила Федорова, зятем которого позднее стал Никифор Борисов. С учетом возраста жены Никифора — Натальи Михайловой, она могла быть дочерью Михаила Федорова от первого брака.

Хочу здесь на примере одного из указанных выше имен пояснить, что означают некоторые формулировки в именах, потому что сразу можно и не понять, кто есть кто. Вдова Марфа Дмитриева дочь Максимовская жена Кукарина — это значит что это Марфа Дмитриевна (Дмитриева дочь), Максимовская жена Кукарина — жена Максима Кукарина, уже умершего, короче говоря — вдова Марфа Дмитриевна Кукарина. В некоторых случаях форма написания имени замужней женщины может оказаться и еще более сложной, если у мужа будут указаны не только имя и фамилия, но и его отчество, т. е. чей он сын. Мне встречались такие случаи, когда сразу и не поймешь, к кому какое имя относится.

Когда я просматривала дела, связанные со вступлением в брак, то я так надеялась, что мне удастся отыскать какую-либо запись, относящуюся к Никифору Борисову. Но увы, и эти дела не помогли мне разобраться, чьим же сыном он был и откуда появился в семье Михаила Федорова в качестве зятя. Метрические книги по Вологодскому уезду за такой ранний период отсутствуют, они есть только с 1750 года, самые ранние исповедные ведомости я посмотрела. А что касается ревизских сказок, то по первым нескольким ревизиям, начиная с 1719 года, их нужно искать в Москве в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА). Возможностей для этого у меня, к глубокому моему сожалению, нет.

Недавно в Вологодской областной библиотеке я ознакомилась с очень интересной книгой, которая называется «Материалы для истории Делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке, собранные В.Н.Сторожевым» [94]. В двух выпусках этой книги собраны документы поместно-вотчинного делопроизводства Поместного приказа, в том числе выписки из писцовых книг XVII века. В первом выпуске книги оказалось очень много материалов по волости села Никольского Нового Вологодского уезда, в том числе по Дмитрию Гаврилову сыну Микулину и Миките Гаврилову сыну Микулину, а во втором — по волости села Егорьевского Заднего Вологодского уезда, в том числе по Титу Савельеву сыну Кукарину. Наряду с описанием земель, пустошей, которые входили в поместья и вотчины различных помещиков, там по каждой деревне перечисляются и живущие в этих деревнях крестьяне. Конечно, невозможно связать их имена с именами тех, кто жил в этих деревнях в начале XVIII века, слишком большой разрыв по времени. Но ради интереса все же перечислю имена крестьян, проживавших в указанных выше деревнях. Так, в деревне Ушаково жили: Куземка Борисов с братом с Оничком, да бобыль Ивашко Кузмин; в деревне Елизарово — Ивашко Остафьев с зятем с Ермолкою Самсоновым, да бобыль Обросимко Терентьев, да бобыль Первушка Внифантьев, Сенка Остафьев с сыном с Климком. А в деревне Кошеварово жили в то время такие крестьяне: Сенка Осипов, Левка Савостьянов, Сидорко Осипов, Дружинка Митрофанов с братом с Гришкою, Якимко Осипов, Обакумко Андре-

ев да бобыль Первушка Митрофанов. Эти имена указаны в приложении к одному из дел Поместного приказа, датированному 1626-1629 годами.

Не исключено, что кто-то из указанных выше крестьян с такими необычно звучащими именами, живших без малого четыре столетия тому назад в деревнях, откуда произошли наши предки, как раз и был этим нашим предком. Например — Куземка Борисов или его брат Оничко Борисов. А может быть — Дружинка Митрофанов?

Как я думаю, мне не суждено узнать, откуда же появились мои предки на Вологодской земле. И были ли они из Польши, или задолго до времен царя Алексея Михайловича жили в деревне Кошеварове «на речке на Кривуле», навсегда останется загадкой.

Но лично для себя я сделала такой вывод, что они вполне могли появиться здесь из Польши. Приведу доводы в пользу этого. Как явствует из жалованной грамоты царя Алексея Михайловича, помещик Елизарий Кукарин участвовал в войне против польского и литовского княжеств. Можно допустить, что он вывез одного из наших предков с территории Польши. И это не просто мое голословное предположение, в основе его лежат конкретные архивные материалы.

В описи 1 фонда 496 Вологодской духовной консистории есть дело № 1282, которое называется «Дело по Указу о приведении к присяге лиц православной веры бывшего польского и литовского подданства» за 1739 год [95]. Но в нем есть и более поздние документы. Со ссылкой на Указы 1730-1731 г.г. в нем идет речь о приведении к присяге на верность Ее Императорскому Величеству духовных и мирских людей польской и литовской нации, вышедших из-за польской границы. Присягу они должны были приносить в тех местах, где они ныне обретаются, в Соборных церквях, при свидетельстве градоначальника. В деле имеется присяжной лист от 16 января 1740 года бобыля Николая Иванова сына Соколова, который сказал, что «роду он польской нации, житель города Несвяжа, посадский человек, от рождения ему 55 лет, а в прошлые годы назад тому тридцать четыре года ис того города в Россию вывезен вологодским помещиком Петром Михайловичем сыном Огарковым, прожил у него Огаркова впоследствии осьмнадцать лет...». И если помещик Огарков мог привезти человека польской нации, то это же вполне мог сделать и помещик Кукарин. А вот кем мог быть тот, кого он, возможно, привез сюда «на речку на Кривулю» — посадским человеком, крестьянином или, может быть, пленным солдатом польской армии или еще кем-то, этого узнать не суждено.

В том же фонде Вологодской духовной консистории в деле №1914 за 1755 год [96] с рапортами и прошениями лиц разных вероисповеданий с просьбой принять их в православную веру имеется прошение «польской нации католического закона» Антона Иоанова Мочелского (Антон Мозулески), уроженца города Мстислава, «ныне обретающегося» на Вологде в доме Лейб-гвардии вахмистра Льва Дьякова Разварина. Его крестили и привели к присяге в Вологодской Соборной церкви (Софийском соборе). В отношении его, правда, не указано, как он оказался в Вологде, но можно предположить, что таким же путем, что и Николай Соколов. Хотя возможны и другие варианты.

Например, в том же деле 1755 года находятся материалы по прошению Игнатия Адамова сына Чечева за 1744 год. В своем прошении он указывает, что «отец его Адам полский шляхтич, житье имел в местечке Перемышле, от роду ему осьмнадцать лет, а в прошлых годах в бытность Российских полков будучи он Игнатий в Полше в городе Самбурхе пошел он добровольно в служение киевского драгунского полка капитану Петру Афанасьевичу сыну Извекову, который ныне в Каргопольском драгунском полку маэром», и с того времени служит он при Извекове. «Маэор» Извеков подтверждает, что действительно в 1734 году «в Полше в местечке Санборх полской нации хлопец Игнатей Чечев лет шести взят в услужении, которой в России принял православную греческого исповедания веру».

В указанном ранее деле № 1282 приводится присяга от 22 декабря 1739 года выходца из-за польской границы Василия Терлецкого, который показал, что родом он «с польской нации, шляхетский сын, житель города Каменец-Подольского, от рождения ему 34 года и...назад тому лет с двадцать он, Терлецкий, вышел в Россию добровольно».

Просматривая в поисках присяжных листов дела Вологодского архиерейского дома, в книге исходящих Указов и «премориев» за 1735 год [97] я нашла сведения о рассылке в ноябре 1735 года по Вологодской епархии Указа о расселении «в нижеописанные места... высланных и вышедших из-за польской границы раскольников, мирского чина всех посадских и разных чинов людей и крестьян». Далее перечисляются несколько монастырей, а остальные места не указаны, т.к. рассылали в соответствии с какой-то Инструкцией в Вологодский уезд — в большую половину, в Заозерскую половину, в малую половину, в Вологодское околородье.

В Заозерскую половину, как я узнала позднее из указанной выше книги В.Н. Сторожева, входили волости села Егорьевского Заднего и села Никольского Нового. В волости же села Егорьевского Заднего (Заднесельской волости) находилась деревня Кошеварово. Может быть, это не случайность, что Никифор Борисов, будучи вполне уже взрослым человеком, появился там у Ивана Максимова сына Кукарина именно в этот период? Ведь в 1731 году его там не было, а в 1737 году в возрасте 30-ти лет он записан в семье своего тестя Михаила Федорова с женой и годовалым ребенком. Есть о чем поразмышлять.

Не подумайте, что я так уж непременно хочу, чтобы мои предки оказались поляками, это не имеет абсолютно никакого значения. Просто хочется узнать, почему почти во всех семьях Шигаревских, не только в нашей, говорили о польских корнях. А то, что говорили, я теперь знаю со слов тех ныне живущих Шигаревских, с которыми смогла связаться. На чем-то ведь это основано. Но, разумеется, изложенные выше мои соображения по этому поводу — это только одна из возможных версий, имеющая право на существование.

В заключение приведу некоторые факты, относящиеся к предкам по линии прапрапрабабушки Дарьи Ивановой из деревни Елизарово. В 1721 и 1724 гг. у помещика Федора Яковлева сына Самарина в сельце Елизарово среди прочих крестьян был Осип Онкудинов, который, как я предполагала, был отцом Алексея Осипова, являвшегося прадедом Дарьи Ивановой. Однако это предположение подтверждения не получило, т. к. в 1727 году этого Осипа в Елизарове уже не было. Не было там и Алексея Осипова. В этом году в Елизарове в числе дворовых людей Самарина записана семья Никиты Яковлева, в которой была дочь Пелагея Никитина, тоже и в 1737 году. А в 1748 году там значится семья Алексея Осипова с женой Пелагеей Никитиной и двумя братьями. Получается, что Алексей Осипов появился в Елизарове после того, как женился на Пелагее Никитиной. Где он жил до этого, установить не представилось возможным.

Часть третья. Как Ваша фамилия?

Итак, к чему я пришла? На все сто процентов я уверена в том, что мне удалось установить родословную нескольких семей Шигаревских, проживавших в 1916-1917 г.г. в ряде деревень Гаврильцевской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии — в Саблине, Борисове, Никульцеве и Гаврильцеве, как по прямой линии от своего деда, так и по линии его родных и двоюродных братьев. Когда я начинала свою работу в архиве, то из своих прямых предков знала только имя своего деда Павла Степановича Шигаревского. В настоящее время мне известны имена прадеда Степана Дормидонтовича Шигаревского, прапрадеда Дормидонта Никитина Шигаревского, прапрапрадеда Никиты Петрова, прапрапрадеда Петра Никифорова и прапрапрапрадеда Никифора Борисова. Я установила пять поколений своих предков после деда, трое из которых значились только по именам и отчествам, не имея фамилии.

Все оказалось гораздо сложнее, нежели я предполагала, когда начинала свою работу в архиве. Ведь как представлялось — ищи в деревне Саблино деда, прадеда и далее по цепочке и все узнаешь: кто они, когда и откуда появились и кто был первым, носящим фамилию Шигаревский. А тут такое... До сих пор удивляюсь, как мне удалось их найти, безфамильных да еще живущих в другом уезде, в той массе дел, которая есть в архиве.

Но ведь в деревне Саблино и в некоторых других деревнях Грязовецкого уезда в разное время проживали представители только одного семейства, идущего от Никиты Петрова. Теперь хочется узнать, что стало с теми потомками Петра Никифорова, которые остались в деревне Ушаково Кадниковского уезда после того, как Никита Петров в связи с женитьбой навсегда покинул семью своего отца. А самое главное, хочется узнать, какая же фамилия была у них?

Прежде всего для этого нужно было установить, оставались ли они в Ушакове постоянно или их, как и семью Никиты Петрова, продавали и перепродавали от помещика к помещику. Напомню, что в то время, когда Никита Петров перебрался в д.Елизарово, деревня Ушаково Новосельской волости Кадниковского уезда, где оставалась семья его отца Петра Никифорова, принадлежала Николаю Степановичу Бердяеву. В одном из дел фонда палаты гражданского суда мне встретилась дата его смерти, он умер в 1814 году [98]. После него наследниками являлись его жена Наталья Алексеевна и дочери. Просматривая дела различных фондов, я нашла несколько документов, связанных с разделом доставшегося им наследства Бердяева. Первоначально имения в разных волостях Кадниковского уезда находились в их общем владении, хотя еще при жизни отца некоторые деревни числились за его дочерьми.

Так, в исповедной ведомости церкви Николая Чудотворца что в Новом Селе за 1813 год [99] деревня Ушаково указана как вотчина его дочери Натальи Николаевны Булыгиной. В этой деревне в одном дворе записана семья вдовы Офимьи Ярофеевой (напомню, что это — вдова Петра Никифорова), ее сын Илья Петров с женой, сыном Иваном и четырьмя дочерьми, а также две вдовы 26 и 20 лет. Из исповедной ведомости 1800 года видно, что у Ильи Петрова было три младших брата: Николай, Степан и Григорий. Никоторого из них в 1813 году нет. Почему-то невольно думается, что двое из них погибли в войну 1812 года, раз в этой семье две молодые вдовы. Через некоторое время, просматривая исповедные ведомости Кадниковского уезда периода после 1816 года (они оказались не в 19 -й, а в 1-й описи фонда 496), по исповедной ведомости Николаевской Новосельской церкви за 1818 год [100] я установила, что на исповеди в тот год из вотчины Натальи Булыгиной деревни Ушакова были Илья Петров с женой, двумя сыновьями: Иваном и Яковом и дочерьми. В той же деревне в другом дворе оказался Григорий Петров с женой и дочерью.

В сентябре 1820 года наследницы Бердяева полюбовно разделили между собой оставшиеся после него движимые и недвижимые имения, раздел был утвержден в Вологодской палате гражданского суда [101]. По раздельному акту несколько крестьян из деревни Ушаково отошли к Наталье Алексеевне Бердяевой и ее дочери Елизавете Николаевне Квашниной-Самариной и были переведены ими в другие деревни. Среди них не было никого из семьи Ильи Петрова. Как оказалось, Илья Петров с женой, с сыном Яковом и двумя дочерьми, Иван Ильин с женой и племянником Михаилом Степановым, а также Григорий Петров с женой и дочерью наряду еще с несколькими крестьянами той же деревни были проданы наследницами Бердяева помещику Павлу Александровичу Межакову по купчей крепости, совершенной 20 сентября 1820 года в Вологодской палате гражданского суда [102].

По исповедной ведомости 1823 года [103] в вотчине Межакова в деревне Ушаково значатся Илья Петров с женой, двумя сыновьями Яковом и Иваном с его семьей. Там же и Григорий Петров со своей семьей.

В дальнейшем в процессе работы с делами Вологодской казенной палаты, мне удалось отыскать ревизскую сказку П.А. Межакова за 1850 год [104], в которой содержались сведения о том, что крестьяне деревни Ушакова, также как и ряда других деревень, отданы им в 1845 году дарственной записью Софье Павловне Ветошкиной (Крейтер). Среди крестьян деревни Ушаково значились Илья Петров, сын его Яков, Иван Ильин и его сын Никонор, Григорий Петров с двумя сыновьями. В сделочной книге на записку духовных завещаний, челобитных грамот и дарственных актов Вологодской палаты гражданского суда за первую половину 1845 года [105] имеется указанная выше дарственная запись, именуемая там отдельной записью, согласно которой П.А. Межаков отдавал своей дочери Софье Павловой вдове Ветошкиной крепостное свое недвижимое имение, состоящее в разных уездах и деревнях, в том числе доставшееся ему по купчей крепости от 20 сентября 1820 года в деревне Ушаково Кадниковского уезда с писанными в ней крестьянами в количестве 15 душ.

Я решила попытаться проследить по имеющимся метрическим книгам Новосельской Николаевской церкви Кадниковского уезда ход жизни братьев Никиты Петрова — Ильи Петрова и Григория Петрова и их сыновей до появления фамилий.

Я просмотрела метрические книги этой церкви за 1850-1853 и за 1854-1857 г.г.[106] Интересующая меня вотчина в деревне Ушаково именовалась то как г-на Межакова, то г-на Крейтерова, то г-жи Софьи Павловой Межаковой, то Софьи Крейтеровой, а в 1856 году стала упоминаться в связи с деревней Ушаково вотчина г-жи Стефановой. В связи с этим по делам фонда 239 Кадниковского уездного суда [107] я позднее установила что в марте 1853 года Софья Павловна Крейтер (по первому мужу она Ветошкин) продала Наталье Васильевне Степановой по купчей крепости, совершенной во втором департамента С.-Петербургской гражданской палаты, недвижимое имение, доставшееся ей от отца Павла Александровича Межакова по дарственной записи, в нескольких деревнях, в том числе и в д.Ушаково Кадниковского уезда 15 мужеска пола душ с женами и рожденными после ревизии обоего пола детьми и внучатами.

При просмотре указанных выше метрических книг я нашла несколько записей, относящихся к интересующей меня семье. Так, в 1852 году крестьянский сын Никонор Иванов женился на крестьянской дочери Соломонии; на следующий год умер Илья Петров; в 1856 году у Никонора Иванова и Соломонии Павловой родился сын Василий; в 1857 году в возрасте 27 лет Никонор Иванов умер; в том же году умер и Иван Ильин.

Следующие метрические книги по той же Николаевской Новосельской церкви, которые я посмотрела, были за 1892-1896 г.г. [108]. Как свидетельствуют метрические записи, в деревне Ушаково в этот период продолжал проживать крестьянин Василий Никоноров, у которого в 1892 году родилась дочь Августа, а в 1895 году — сын Иоанн. А в одной из записей 1892 года в разделе о бракосочетавшихся, где он значится поручителем, указана его фамилия — крестьянин д.Ушакова Василий Никоноров Солин. При рождении сына Иоанна он тоже записан с фамилией Солин. Таким образом я установила фамилию одного из прямых потомков Петра Никифорова — внука его сына Ильи Петрова, являвшегося родным братом Никиты Петрова.

Еще я посмотрела метрические книги той же церкви за 1913-1916 г.г. [109], в которых фамилия Солиных встречается дважды, опять-таки в деревне Ушаково. Судя по отчествам, речь там идет о дочерях Василия Никонорова. В других деревнях прихода Николаевской Новосельской церкви фамилия Солин мне ни разу не встретилась. Проследить судьбу кого-либо еще из семьи Ильи Петрова и Григория Петрова мне не удалось.

В Книге Памяти Усть-Кубинского района Вологодской области, на территории которого в настоящее время находится деревня Ушаково, в разделе о погибших и умерших от ран во время Великой Отечественной войны есть трое Солиных из поселка Устье. И в

настоящее время в этом районе живут люди, имеющие эту фамилию. Вполне возможно, что кто-то из них является потомком Василия Никоноровича Солина, первым получившего эту фамилию. И вряд ли они подозревают, что связаны кровными узами в далеком прошлом — в восьмом-седьмом поколении с потомками их общего предка Петра Никифорова, впоследствии получившими фамилию Шигаревские.

У меня же после установлении фамилии одного из родственников Никиты Петрова, появились серьезные сомнения относительно версии о польских корнях Шигаревских. Ведь если бы предки их были выходцами из Польши, то наверно и в происхождении фамилий у них было бы что-то общее. Хотя от работников архива я знала, что даже у членов одной семьи фамилии могли оказаться разными.

Сейчас февраль 2011 года. Прошло более двух лет с того дня, как я занялась поисками своих предков. Сижу, обложившись тетрадами (их уже более четырех десятков). В них выписаны дела из описей различных фондов, содержание просмотренных дел. Содержание некоторых дел изложено не на одной странице, по другим выписаны только заинтересовавшие меня фамилии или факты, которые подчас напрямую, может быть, и не связаны с моими изысканиями, но вдруг оказываются нужными для определения дальнейшего направления поисков. А есть и такие дела, по которым стоит пометка «Ничего», т. е. никакой информации из них не почерпнуто.

В последнее время у меня несколько изменилась цель, ради которой я просматриваю описи и дела различных фондов. До этого я искала и находила своих предков в разное время в разных деревнях и даже уездах, а потом искала документальное подтверждение тому, что это — разные поколения одного и того же рода. В этом плане работа моя увенчалась успехом. Сейчас же основной вопрос, который стоит передо мной, и на который очень хочется найти ответ — почему именно такую фамилию — Шигаревские — получили наши предки? Когда я пишу «наши», то имею в виду всех тех Шигаревских, которые сейчас проживают в Вологде, Грязовце и других населенных пунктах Вологодской области и даже за ее пределами, жизнь дедов и прадедов которых была связана с местами вблизи речек Лихтошь и Комёла. Я уже убедилась, что все они происходили из одной семьи. И если взять, к примеру, поколение Шигаревских, родившихся в 40-50 годах XX века, то отец Федора и Дормидонта — Никита Петров для кого-то из нас окажется прапрапрадедом, для кого-то — прапрапрадедом, и все его предки будут нашими общими предками.

Когда я начинала этот свой рассказ, то написала, что возможно, никогда не буду искать данные о старшем сыне Никиты Петрова — Андрее Никитине, который вместе со своей семьей на протяжении длительного времени проживал в вотчине помещицы Александры Яковлевны Кубенской в деревне Куприяново Грязовецкого уезда, а потом оттуда куда-то пропал вместе со всей семьей. Но с появлением новой цели моих изысканий, встал вопрос — а как же была их фамилия? Чтобы получить ответ на него, нужно было их найти.

Последний раз в исповедных ведомостях Николаевской Комельской церкви их имена значились в 1856 году. Ответ о их местонахождении в более поздний период я нашла, когда просматривала дела с ревизскими сказками о помещичьих крестьянах Грязовецкого уезда по последней 10-й ревизии 1858 года. В одном из дел [110] я обнаружила ревизскую сказку по деревне Куприяново помещицы А.Я. Кубенской. Там, в частности, значились Никита Петров, 66-ти лет (возраст указан по предыдущей 9-й ревизии 1834 года), его сын Андрей Никитин со своими сыновьями Николаем и Петром. Напротив всех этих имен имеется запись: «Проданы по купчей крепости в 1857 году губернскому секретарю Николаю Платонову Лихареву». Вот так определилось очередное направление поиска.

Найти эту купчую крепость по вотчинным книгам Вологодской палаты гражданского суда было несложно [111]. И оказалась эта купчая своеобразной документальной иллю-

страцией к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Вот что там написано : «Лета тысяча во-семьсот пятьдесят седьмого января в двадцать четвертый день вдова надворного советника Александра Яковлева Кубенская продала я потомственному дворянину губернскому секретарю Николаю Платонову Лихареву и наследникам его... крепостных своих... писанных по 9 ревизии за г. Поповой, а по окладу настоящего времени числящихся за мною Вологодской губернии Грязовецкого уезда по деревне Куприянову семь мужеска пола душ, а именно: Никиту Петрова УМЕРШЕГО, Андрея Никитина с женой его Настасьей Артемьевой и детьми их сыновьями Николаем..., Петром и рожденным после ревизии Иринархом...». Никиты Петрова уже начиная с 1853 года не было среди бывших на исповеди в церкви, но и после смерти он все еще продолжал числиться в недрах казенных учреждений за своей помещицей.

В купчей крепости есть указание, что Лихарев Н.П. обязывается перечислить их за собой и переселить к своему недвижимому имению в Вологодском уезде в деревне Минейка. Для определения нужной мне деревни пришлось использовать два источника: «Список волостей, обществ и селений Вологодской губернии» за 1872 год [112] и «Материалы для оценки земель Вологодской губернии по Вологодскому уезду» за 1907 [113]. В Вологодском уезде было три деревни Минейка в разных волостях. Нужной оказалась Минейка в Ватлановской волости в приходе Богородице-Рождественской Подстаницкой (Богородской Подстаницкой) церкви, где была вотчина Николая Платоновича Лихарева.

Просмотрев имеющиеся в описи 8 фонда 496 метрические книги этой церкви за 1856-1868 г.г.[114], я установила, что начиная с 1857 года в д.Минейка действительно проживали Андрей Никитин с женой и детьми. После смерти в 1860 и 1862 годах Андрея Никитина, его жены и сына Николая два других его сына — Петр и Иринарх Андреевы, согласно исповедным ведомостям той же Богородской Подстаницкой церкви за 1879-1883 г.г. [115], проживали здесь же со своими семьями. У обоих было по два сына. В 1879-1880 гг. и Петр Андреев, и Иринарх Андреев записаны без фамилий, а вот в 1881 году у Иринарха Андреева указана фамилия — Шигорин. Исповедные ведомости той же церкви за 1915-1916 г.г. [116] показали, что с это же фамилией — Шигорин — записан один из сыновей Петра Андреева — Геннадий Петров. Надо отметить, что у подавляющего числа крестьян в этой деревне даже в этот период в исповедных ведомостях фамилии не указаны. Кроме как в Минейке, ни в каких других деревнях прихода Богородской Подстаницкой церкви фамилии Шигорин я не встретила.

Вот так вот — у детей двух сыновей Никиты Петрова — Федора и Дормидонта, живших в деревнях Грязовецкого уезда вблизи Лихтоша и Комёлы, фамилия Шигаревские, а у детей его третьего сына — Андрея, который изначально на территории Грязовецкого уезда проживал отдельно от своих братьев, а потом оказался в Вологодском уезде — Шигорины. Общность корня в обеих фамилиях, наверно, о чем-то должна говорить. Знать бы вот только, о чем.

Часть четвертая. Снова на берега Комёлы и Лихтоша

Поскольку именно с одним местом на карте Грязовецкого уезда связано появление у наших предков фамилии — Шигаревские, я вновь возвращаюсь туда, откуда начала и где закончила свои первоначальные поиски — в деревни Саблино и Скрябино вблизи речек Комёлы и Лихтошь. И начну с того года, которым закончила первую часть своего расследования — с 1837-го года. Возможно, буду немного повторяться.

Итак, в 1837 году кадниковская помещица Александра Яковлевна Кубенская перевела из Кадниковского в Грязовецкий уезд семью Никиты Петрова с женой Дарьей Ивановой, тремя их сыновьями — Андреем, Федором и Дормидонтом с их женами и детьми, по учетам казенной палаты перечислив их в сельцо Скрябино. Я так думаю, что Никиту Петрова со

старшим сыном Андреем она сразу поселила отдельно от Федора и Дормидонта — сначала в деревню Чернава (об этом свидетельствует запись за 1839 год в метрической книге Николаевской Комельской церкви), а потом — в деревню Куприяново, где они в дальнейшем и проживали, о чем свидетельствуют исповедные ведомости той же церкви за 1842-1856 г.г. Но что касается места фактического проживания Федора и Дормидонта Никитиных, то тут у меня полной ясности нет. Обусловлено это тем, что я не смогла отыскать два документа, связанных с сельцом Неверовским. Но скорее всего они жили сначала в деревне Скрябино, а после того, как Кубенский А.И. несколько семей своих крестьян перевез из сельца Неверовского в деревню Саблино, его жена на их место переселила своих крестьян из д.Скрябино.

В делах Вологодской палаты гражданского суда за 1842 год [117] имеется протокол заседания от 7 апреля, в ходе которого рассматривалось прошение А.Я.Кубенской о выдаче ей свидетельства на имение. Из протокола этого заседания усматривается, что Вологодская казенная палата произвела перечисление крестьян Кубенской из сельца Скрябино в деревню Куприяново. И позднее по ревизской сказке 1850 года все семейство Никиты Петрова в полном составе было записано там. Но из исповедных ведомостей видно, что Федор и Дормидонт Никитины со своими семьями там не проживали, жили они, скорее всего, в сельце Неверовском, о чем свидетельствует запись в метрической книге Иоанно-Предтеченской Косьяковской церкви за 1844 год о дворовом человеке Дормидонте Никитине. Кроме того, после того, как я узнала имена всех сыновей Федора и Дормидонта, просматривая свои выписки из метрической книги за 1848 год, я обнаружила там имя Григория Федорова. В разделе о родившихся Григорий Федоров был записан в качестве приемника и значился как дворовый человек помещицы Кубенской из сельца Неверовского.

В январе 1851 года Кубенская А.Я. продала свое имение в д.Саблино, Куприяново и сельце Неверовском Поповой Е.П., но через несколько месяцев — в мае того же года в силу каких-то причин выкупила обратно у Поповой имение в д.Куприяново вместе с проживавшими там крестьянами, в том числе Никиту Петрова с семьей его старшего сына Андрея, а также одного из сыновей Федора Никитина — Александра Федорова. Вот с этого момента, когда члены большого семейства Никиты Петрова стали принадлежать разным помещикам, окончательно и разошлись пути его сыновей: Андрея — с одной стороны, Федора и Дормидонта — с другой.

В деревню Саблино их (всех или не всех, трудно сказать) переселила в 1851 году помещица Е.П. Попова. Но скорее всего жили они все-таки в Неверовском, а переселение в Саблино значилось только по бумагам. Я думаю, что это не столь важно, поскольку сельцо Неверовское и деревня Саблино шли как бы в связке между собой. Помещица Порошина В.И., которой Попова в 1853 году продала их, в ранее уже упоминавшейся отпускной крестьянину Дмитрию Федорову указывает, что имение ее состоит «в сельце Неверовском с деревней Саблино». Кстати, купчую по продаже имения от Поповой к Порошиной я, пусть и не сразу, но отыскала в фонде 178 Вологодской палаты гражданского суда [118].

В 1854 году Вера Ивановна Порошина купила у помещика Александра Александровича Сухарева недвижимое имение, состоящее в Грязовецком уезде в сельце Борисове и деревнях Никульцево, Фроловское и др. [119]. Я так предполагаю, что она через какое-то время в сельцо Борисово переселила некоторых членов семьи Федора Никитина, к тому времени уже умершего. А возможно, переселение их было уже после отмены крепостного права, когда крестьяне состояли уже не в крепостной зависимости от помещиков, а значились как временно обязанные тем же помещикам, должны были платить им оброк и отбывать повинности.

Сыновья Федора и Дормидонта Никитиных выросли, женились, у них рождались свои сыновья, и началось повторение имен. Чтобы получить полную картину об изменениях в составе ранее существовавших семей и о вновь возникших семьях, я хотела найти ревизские

сказки помещицы Порошиной В.И. по последней 10-й ревизии 1858 года. Просмотрела четыре дела Вологодской казенной палаты с ревизскими сказками Грязовецкого уезда за этот год, а пятое оказалось ветхим, и я опять не смогла его получить. Там, во всей видимости, и находятся ревизские сказки помещиков, фамилии которых начинаются с буквы «П».

В фонде 771 Вологодского губернского присутствия имеется дело, которое называется «Объявление о доставке рекрутов в набор 1854 года с вотчины помещицы губернской секретарши Веры Ивановны Порошиной» [120], из которого усматривается, что 26 января 1855 года в рекруты был принят крестьянин Грязовецкого уезда деревни Саблина Григорий Федоров, 25 лет, а 11 февраля 1855 года — крестьянин той же деревни Павел Дормидонтов, 21 года. В документах дела указано, что семейство обоих по сказкам 9 ревизии (т. е. в 1850 году) писаны за помещицей Кубенской, в 1851 году перечислены за Попову, а в 1853 году — за Порошину. Несомненно, что Григорий Федоров — это сын Федора Никитина, а Павел Дормидонтов — сын Дормидонта Никитина. Фамилии в документах на сдачу в рекруты не указаны.

Хочется остановиться на одном интересном моменте, связанном с возрастом. Я ранее уже отмечала, что очень трудно определить чью-либо дату рождения. И форма документов, которые оформлялись на рекрутов, как нельзя лучше подтверждает это. В объявлении о сдаче в рекруты, которое оформлял представитель помещика, так называемый отдатчик, часть сведений о рекруте вносилась им, а часть — в самом рекрутском присутствии на обороте объявления в так называемой росписи. Возраст рекрута указывался три раза: первоначально отдатчиком — каких лет от роду представляемый в рекруты, затем по справке рекрутского присутствия указывался его же возраст, который значился по сказкам последней ревизии, после чего в графе: «Следовательно в настоящее время от роду имеет» — указывался окончательный возраст, который затем вносился в приемную квитанцию вместе с именем принятого рекрута. И не всегда первоначально указанный возраст совпадал с окончательным. Так, например, у Григория Федорова в графе «Каких лет от роду» было указано — 23, по 9-й ревизии его возраст был 21 год, а окончательно возраст ему был определен — 25 лет.

Оба — и Григорий Федоров и Павел Дормидонтов были холостые, православные, неграмотные. У Григория Федорова в графе о владении каким-либо особым мастерством указано, что он — сапожник, у Павла Дормидонтова — не мастеровой. Каждому из них, как принятому в рекруты, полагалась от помещицы награда в 1 рубль 50 копеек, которые отдатчик передавал по квитанции командиру с указанием, что это — собственность рекрута. По другой квитанции отдатчик передавал в Вологодское казначейство за каждого принятого в рекруты 1 человека на обмундирование, провиант и жалованье 50 рублей

Как сложились в дальнейшем судьбы Григория Федорова и Павла Дормидонтова, где и сколько лет они прослужили, в каких войнах участвовали, когда и куда вернулись (если вернулись) — этого я пока точно не знаю. Хотя я предполагаю, что Григорий Федоров, отслужив в рекрутах, вернулся домой, женился и жил какое-то время в д.Скрябино, где у него родился сын Василий. Дело в том, что в фонде 728 Грязовецкого уездного воинского начальника имеется дело о службе ефрейтора запаса Василия Григорьевича Шигаревского, крестьянина д.Скрябино Грязовецкого уезда [121]. Отцом его и мог быть Григорий Федоров. Но пока я этого точно не установила.

Неизвестна мне и судьба еще одного рекрута из этой семьи — Лаврентия Дормидонтова Шагаревского, который в 1875 году был солдатом 25 пехотного Смоленского полка. В 1916 году в деревне Саблино проживала его вдова Аполлинария Семеновна Шигаревская. Были ли у них дети, я не знаю. Погиб ли он в одном из сражений Русско-турецкой войны или умер, вернувшись домой, я пока тоже не знаю. Всех их я попыталась найти в числе бессрочно отпусковых нижних воинских чинов в делах Грязовецкого уездного воинского начальника и Вологодской казенной палаты за 70-80-е годы XIX века, но поиски мои в этом

направлении пока успехом не увенчались. Очень много дел со списками нижних воинских чинов уже уничтожено.

Кстати, первое упоминание фамилии Шигаревский мне встретилось в деле, связанном именно с Лаврентием Дормидонтовым. Это дело в фонде 771 Вологодского губернского рекрутского присутствия называется так — «Условие временно обязанных крестьян деревни Саблино Гаврильцевского волостного правления Комельской волости Грязовецкого уезда Лаврентия Дормидонтова и деревни Юрьчакова Нетининского волостного правления Заболотской волости того же уезда Семена Васильева Телегина о поступлении первого в рекруты за семейство последнего» [122]. Датировано это дело ноябрем 1863 года. В деле имеется приговор сельского мирского схода временно обязанных крестьян Фроловского сельского общества от 26 ноября 1863 года, из которого видно, что сход решал вопрос о дозволении крестьянину Лаврентию Дормидонтову наняться за кого-либо в рекруты. Сход приговорил: «1. Как к увольнению означенного крестьянина Дормидонтова нет никаких препятствий, определенных в Рекрутском Уставе, то дозволяем ему наняться в рекруты по добровольному условию у крестьян одной с нами губернии...3. Утвердив сий приговор рукоприкладством нашим, представляем в Гаврильцевское волостное правление для наймающего..за свидетельствования и выдачу означенному крестьянину Дормидонтову». К приговору «по безграмотству» некоторых крестьян, участвовавших в сходе, по просьбе общества Иван Федоров Шагаревский «руку приложил».

В следующем документе этого дела, подписанном волостным старшиной, указано, что приговор учинен на законном основании, что «означенный в нем крестьянин Лаврентий Дормидонтов по скаскам 10 ревизии, подписанным 7 февраля 1858 года писан за помещицей Верой Ивановой Порошиной по деревне Саблину 19 лет, холост, имеет мать Катерину Леонтьеву, которая на его увольнение согласна..»

26 ноября 1863 года временно обязанные крестьяне деревни Саблино Лаврентий Дормидонтов и деревни Юрчаково Семен Васильев Телегин заключают между собой условие, по которому Дормидонтов нанимается у С.В. Телегина в рекруты «на перемену» его сына Василия Семенова Телегина. Телегин добровольно обязуется «за сие» заплатить Дормидонтову пятьсот рублей серебром. Далее расписано, в какой форме (деньгами и зерном) и в какие сроки производится расчет. Часть денег получал сам Лаврентий Дормидонтов, а часть платежа Телегин должен был в течение нескольких лет передавать в определенные сроки его матери Катерине Левонтьевой и сестре его родной Аполлинарии Дормидонтовой, а в случае их смерти он был обязан все означенное в условии выполнить младшим братьям Дормидонтова, а если и они помрут — то старшим его братьям. Надо думать, что отец их Дормидонт Никитин к тому времени уже умер.

А далее, на мой взгляд, самый интересный момент в этом деле. В ранее приведенном тексте некоторых документов Лаврентий Дормидонтов несколько раз называется Дормидонтовым, даже без имени, можно подумать, что Дормидонтов — это фамилия. Но вот фраза, которой заканчивается условие: «К сему условию вместо временно обязанного крестьянина Грязовецкого уезда деревни Саблина Лаврентия Дормидонтова и матери его Катерины Леонтьевой ШИГАРЕВСКИХ за неумением грамоты и писать по личной их просьбе коллежский секретарь Лев Филипов Сипов руку приложил...». То есть фамилия у них уже была, но даже при наличии фамилии она не всегда указывалась. С учетом этого время первоначального появления фамилии установить представляется достаточно затруднительным. И писали ее потом по-разному — то через букву «и», то через букву «а», видимо, кто как услышит. Да и сами носители фамилии, похоже, точно не знали, как она должна звучать и писаться. Я видела в некоторых делах собственноручные подписи одного и того же человека — Ивана Шигаревского, в одном случае в фамилии была буква «и», в другом — «а». Что уж говорить о крестьянах, если даже в фамилиях помещиков встречается подобное. Я в дан-

ном случае имею в виду помещиков Кубенских. В некоторых документах, подписанных ими собственноручно, фамилия написана через букву «е», а в других — через букву «и». То ли они Кубенские, то ли Кубинские.

Кстати, что касается указанного выше Ивана Федоровича Шигаревского, то он в некоторых делах 80-х годов XIX века, связанных с взысканием недоимок с временно обязанных помещице Вере Ивановне Порошиной крестьян Фроловского общества [123], указывается как ее управляющий. К Фроловскому обществу относились принадлежавшие Порошиной село Борисово, деревни Саблино, Никульцево и некоторые другие. Я сейчас пытаюсь найти дела периода после отмены крепостного права, связанные с наделением бывших крепостных крестьян и дворовых людей помещиков землей. По семьям Шигаревских найти удалось пока два дела в фонде Вологодской казенной палаты: «По прошению безземельного крестьянина А.Ф.Шигаревского о причислении его в село Борисово Гаврильцевской волости и общества» за 1875 год и «По прошению безземельного крестьянина Гаврильцевской волости Сергея Шигаревского о перечислении его в деревню Гаврильцево» за 1890 год. Первое дело опять оказалось ветхое, его не выдали. А из второго дела я узнала, что безземельный крестьянин Гаврильцевской волости Сергей Александров Шигаревский на основании приговора крестьян Вологодской губернии Грязовецкого уезда Гаврильцевской волости, общества и деревни Гаврильцева от 11 марта 1890 года принят ими в свою среду по деревне Гаврильцеву с наделением земли на два надела. Указом Вологодской казенной палаты с 1-й половины 1890 года он перечислен в число временно-обязанных крестьян по деревне Гаврильцеву, а из числа безземельных крестьян исключен [124]. Есть еще дело в фонде Вологодской палаты гражданского суда о совершении купчей крепости на землю, проданную крестьянином д.Юрчаково С.В.Телегиным крестьянину деревни Борисова Грязовецкого уезда Ивану Федоровичу Шагаревскому [125].

Этот Иван Федорович Шагаревский (Шигаревский), видимо, был незаурядным человеком. Когда я ходила в библиотеку, то сотрудники отдела редкой книги нашли его имя в своей картотеке персоналий, составленной по именам лиц, значащихся в Вологодских адрес-календарях за разные годы. Для меня это было полной неожиданностью, поскольку я, если бы и стала смотреть эти издания, то только в поисках фамилий интересующих меня помещиков, но никак не крестьян. В выпусках Вологодских адрес-календарей за 1881-1883 и 1887 годы Иван Федорович Шигаревский значится гласным от землевладельцев в Грязовецком уездном земском собрании, членом Грязовецкой уездной управы [118]. А в Журнале Грязовецкого Очередного уездного земского собрания за 1897 год он указан в списке лиц, баллотированных Грязовецким уездным собранием в попечители начальных народных училищ. Из содержания списка видно, что он единогласно избран попечителем по Чиркинскому и Марковскому училищам [126].

А чтобы закончить тему крепостного права справедливости ради хочу отметить, что помещица Александра Яковлевна Кубенская, которая направо и налево распродала принадлежащих ей крепостных, неоднократно давала отпускные своим крестьянам и дворовым людям, в том числе отпустила на волю несколько человек из многочисленного семейства Никиты Петрова. Так, я уже упоминала об отпускных, которые она дала дочери Андрея Никитина — Марье Андреевой в 1851 году и Александру Федорову с его женой и детьми в 1860 году. Позднее в фонде Вологодской гражданской палаты мне попалось еще одно дело за 1852 год по прошению дворовой женщины Грязовецкого уезда деревни Куприяновой Екатерины Львовой (это — жена Дормидонта Никитина, которая в разных документах называется то Львовой, то Леонтьевой, а деревни Куприянова — потому что там они значились по ревизским сказкам, хотя на самом деле там не жили — см. по этому вопросу ранее) [128]. Суть прошения в том, что она просит палату гражданского суда засвидетельствовать отпускную, данную помещицей А.Я.Кубенской ее малолетней дочери Аполлинарии. К прошению приложена копия отпускной следующего содержания: «Лета тысяча восемьсот пятьдесят первого

февраля в двадцатый день вдова надворного советника Александра Яковлева Кубенская отпустила я крепостную свою дворовую девку, писанную за мной по последней 9 ревизии Вологодской губернии Грязовецкого уезда по деревне Куприяновой вечно на волю с тем, чтобы где она жить или по пришествии в совершеннолетие в замужество выдти пожелает, то ей вольно, до которой на будущее время ни мне, ни наследникам моим дела нет...». Аполлинария Дормидонтова, о которой идет речь — это родная сестра моего прадеда Степана Дормидонтовича Шигаревского.

Из отпускных можно получить некоторое представление о том, как выглядели некоторые представители этого многочисленного семейства. Так, в отпускной Аполлинарии указано: «А приметамы она Дормидонтова от роду 6 лет, волосы светлорусые, глаза серые, нос маленький, лицо чистое, особых примет не имеет». Приметы Марьи Андреевой: «13 лет, волосы светло-русые, глаза серые, нос маленький, особых примет нет». В отпускной, данной Александру Федорову с женой и детьми, указаны приметы каждого члена семьи: «А приметамы они: Александр Федоров 29 лет, росту небольшого, волосы русые, глаза серые, нос прямой, подбородок круглый, лицо чистое», у его жены и детей тоже русые волосы и серые глаза.

В этом году исполняется 150 лет со дня отмены крепостного права в России. История наших предков наглядно показывает, что приходилось переносить крепостным по воле помещиков, когда их продавали иногда не по одному разу за год, перевозили с места на место, разъединяли семьи. Радует одно — не было в их жизни помещиков, подобных всем известной Салтычихе. Хотя и у нас в губернии встречались дикие случаи обращения с крепостными крестьянами. Так, к примеру, мне встретилось в фонде 18 Канцелярии Вологодского губернатора дело по жалобе кадниковской помещицы Натальи Бердяевой (это — жена Николая Степановича Бердяева) на помещика Мерцалова «в отрублении им у крепостных ее крестьян Петра Григорьева и Николая Федорова левых рук» [129]. Произошло это в одной из деревень, расположенных в непосредственной близости от д.Ушаково. Как же обращался этот помещик Мерцалов со своими крепостными, если даже по отношению к чужим мог применить такие дикие меры?

Позволю себе несколько строк в отношении некоторых помещиков, упомянутых в моем рассказе. Судьба распорядилась так, что принадлежали наши предки в большинстве своем достойным людям, оставившим след в Российской истории. Что стоит одно перечисление заслуг помещика Елизария Кукарина, пожалованного царской милостью! Его внук Иван Максимович Кукарин служил на флоте, в 1722 году он указывается по разному — морского флота лейтенант, флота поручик, генерального флота подъячий, в 1743 году он — морского флота капитан, в 1757 году — флота капитан первого ранга. Сын его — Петр Иванович Кукарин был полковником Лейб-гвардии Измайловского полка, а дочь Прасковья Ивановна была матерью Николая Степановича Бердяева. Семья Бердяевых состояла в родстве с семьей поэта К.Н.Батюшкова. Жена Н.С.Бердяева — Наталья Алексеевна была дочерью подполковника Алексея Тихоновича и Феодосьи Степановны Ярославовых. Сам Николай Степанович Бердяев был прапорщиком Лейб-Гвардии Семеновского полка; впоследствии одно время являлся Кадниковским уездным предводителем дворянства. У Николая Степановича Бердяева было восемь дочерей, ради интереса перечислю их имена: Феодосья, Анна, Варвара, Александра (в замужестве гвардии поручица Дедюлина), Наталья (в замужестве подпоручица Булыгина), Катерина (в замужестве подполковница Морина), Елизавета (в замужестве капитанша Квашнина-Самарина), Прасковья (в замужестве тоже Бердяева).

У Александры Яковлевны Кубенской тоже было не менее пяти сыновей и дочерей. После смерти мужа — Грязовецкого уездного стряпчего Александра Ивановича Кубенского она осталась одна с тремя несовершеннолетними детьми на руках. По всей видимости, этот Александр Иванович был неплохим человеком, судя по его прошению на имя Вологодского

епископа о переводе крестьян из прихода одной в приход другой, более близко расположенной, церкви.

Мне кажется, что и самим-то помещикам жилось не больно сладко. Постоянно в делах встречаются упоминания о займах под залог имений: то в Вологодском приказе общественного призрения, то в Государственном Заемном банке, то еще где-то.

Кто-то, прочитав (если хватило терпения прочитать до конца) этот мой длинный и, наверное, довольно путанный, рассказ о поиске наших предков, может быть с пренебрежением скажет: «Подумаешь, нашла, крепостных каких-то...». Но если взять большинство из живущих ныне на просторах России людей, чьи деды-прадеды происходят из крестьян, то и у них будет такая же история, потому что это история нашей страны. А история — это история, в ней уже ничего не изменить, что было, то и было.

Эпиграфом к своему повествованию я взяла строки из стихотворения вологодского поэта Сергея Викулова, родившегося в крестьянской семье, «Память рода» [122]. В заключение же хочу привести несколько строк из другого его стихотворения [123]:

*«Ни генералов нету, ни вельмож
в моем роду. Какие там вельможи...
Мой прадед, так сказать, не вышел рожсей,
а дед точь-в-точь был на него похож.*

*И все ж я горд, — свидетельствую сам! —
что довожусь тому сословью сыном,
которое в истории России
не значитя совсем по именам.»*

На этом я заканчиваю свой рассказ о результатах проведенного мной поиска. Я установила несколько поколений предков ныне живущих Шигаревских; за прошедшее с начала работы в архиве время мое давно существовавшее неясное ощущение, что все Шигаревские родом с Комёлы и Лихтоша, превратилось в почти стопроцентную уверенность в этом и даже более того — я почти убеждена, что все Шигаревские происходят из одной семьи. Это убеждение крепнет с каждым разом, как мне удастся связаться с кем-либо из Шигаревских, кого я нахожу в Интернете или устанавливаю иным путем.

Но я так и не смогла подтвердить или опровергнуть версию о польских корнях Шигаревских и установить происхождение нашей фамилии. Ни в одном их просмотренных мной архивных дел я не нашла такой фамилии вне связи с нашими предками. Не было там, где они жили, ни помещиков, ни иных лиц с такой фамилией; не было там и деревень с названием Шигарево. Возможно, если бы удалось просмотреть все метрические книги за период со времени появления семьи Никиты Петрова в Грязовецком уезде и до первого найденного мной упоминания фамилии Шигаревских, т. е. за период с 1837 по 1863 г.г., то и появились бы, может, какие-то новые данные. Но для одной меня эта задача неподъемная.

В ходе работы с архивными материалами у меня появилась одна версия относительно возникновения фамилии Шигаревских. Вот над ней я и собираюсь в дальнейшем работать. Мое расследование еще не закончено. Продолжение последует.

А в этой истории я ставлю последнюю точку 19 февраля 2011 года — в день 150-летия опубликования Манифеста об отмене крепостного права.

С П И С О К

использованной литературы и архивных дел Государственного архива
Вологодской области (ГАВО)

- [1] М.Ш.Бонфельд, «Странники поневоле» — «Вологда. Краеведческий альманах, выпуск 4». Вологда, «Легия», 2003, стр.63.
- [2] Исповедные ведомости Иоанно-Предтеченской Косяковской церкви Грязовецкого уезда за 1916 год — ГАВО, фонд 1063 опись 1 дело 380.
- [3] Исповедные ведомости той же церкви за 1917 год — ГАВО, фонд 1063 опись 1 дело 381.
- [4] Метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1893 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 487, стр.451.
- [5] Исповедные ведомости церковей Грязовецкого уезда за 1825 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 350, стр.254.
- [6] Метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1849 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 172, стр.447.
- [7] Метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1850 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 181, стр.353.
- [8] Метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1887 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 463, стр. 245, 355, 377, 514.
- [9] Исповедные ведомости Михайло-Архангельской Лихтошской церкви Грязовецкого уезда за 1917 год — ГАВО, фонд 1063 опись 1 дело 677.
- [10] Исповедные ведомости той же церкви за 1916 год — ГАВО, фонд 1063 опись 1 дело 678.
- [11] Исповедные ведомости Николаевской Кузнецовской церкви Грязовецкого уезда за 1916-1917 годы — ГАВО, фонд 1063 опись 87 дело 90.
- [12] Исповедные ведомости Богородской Комельской церкви Грязовецкого уезда за 1917 год — ГАВО, фонд 1063 опись 70 дело 2.
- [13] Исповедные ведомости Богоявленской Лостенской церкви Грязовецкого уезда за 1912 год — ГАВО, фонд 1063 опись 71 дело 27.
- [14] Исповедные ведомости той же церкви за 1913 год — ГАВО, фонд 1063 опись 71 дело 28.
- [15] Исповедные ведомости церковей Грязовецкого уезда за 1791 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 316.
- [16] Исповедные ведомости тех же церковей за 1795 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 320.
- [17] Исповедные ведомости тех же церковей за 1801 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 326.
- [18] Метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1801 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 25.
- [19] Метрические книги тех же церковей за 1802 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 26.
- [20] Исповедные ведомости церковей Грязовецкого уезда за 1802 год — ГАВО, фонд 496, опись 19 дело 327.
- [21] Исповедные ведомости тех же церковей за 1803 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 328.
- [22] Метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1832 год, т.1 — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 78.
- [23] То же, т.2 — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 79.
- [24] Метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1844 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 134.
- [25] Метрические книги тех же церковей за 1848 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 163.
- [26] Метрические книги церковей Грязовецкого уезда за 1866 год, т.1 — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 296.

- [27] То же, т.2 — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 297.
- [28] То же, т.4 — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 299.
- [29] Исповедные ведомости церквей Грязовецкого уезда за 1825 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 350, стр. 376.
- [30] Похозяйственная книга Гаврильцевской волости Грязовецкого уезда за 1913-1915 годы — ГАВО, фонд 101 опись 1 дело 2, стр.91
- [31] То же за 1916-1917 годы — ГАВО, фонд 101 опись 1 дело 1, стр. 44.
- [32] Метрические книги Иоанно-Предтеченской Косяковской церкви Грязовецкого уезда за 1871-1880 годы — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 358.
- [33] Метрические книги Богородской Комельской церкви Грязовецкого уезда за 1871-1880 годы — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 347.
- [34] Метрические книги церквей Грязовецкого уезда за 1864 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 284.
- [35] Списки о безземельных и дворовых людях, причисленных к разным волостям Грязовецкого уезда. — ГАВО, фонд 138 опись 2 дело 37, стр. 27.
- [36] Метрические книги церквей Грязовецкого уезда за 1840 год — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 107.
- [37] По прошению Грязовецкого помещика Кубинского о переводе купленных им крестьян из одного прихода в другой — ГАВО, фонд 496, опись 1 дело 10679.
- [38] Вотчинная книга Вологодской палаты гражданского суда на записку проданных вотчин и вотчинных земель вместе с крепостными крестьянами за 1842 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 586, стр.72 об. № 36. (Далее — вотчинная книга...)
- [39] Крестьянская книга Вологодской палаты гражданского суда на записку крепостей на проданных и отпущенных на волю крестьян за 1842 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 587, стр. 18 об. №13. (Далее — крестьянская книга...)
- [40] Вотчинная книга за 1841 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 566, стр.14 об. №9.
- [41] Крестьянская книга за 1841 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 567, стр.80 №70.
- [42] Сделочная книга Вологодской палаты гражданского суда на записку духовных завещаний, челобитных грамот и дарственных актов за 1847 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 703, №41. (Далее — сделочная книга....)
- [43] О составлении купчей женой надворного советника Александрой Яковлевой Кубенской на проданное имение с землей Екатерине Платоновой Поповой — ГАВО, фонд 178 опись 1 дело 1403.
- [44] О совершении купчей на проданное губернской секретаршей Екатериной Платоновой Поповой Г.Кубенской недвижимое имение — ГАВО, фонд 178 опись 2 дело 23.
- [45] Исповедные ведомости Николаевской Комельской Слободской церкви Грязовецкого уезда за 1842-1845 годы — ГАВО, фонд 1063 опись 86 дело 12.
- [46] Исповедные ведомости той же церкви за 1851-1866 годы — ГАВО, фонд 1063 опись 86 д.16.
- [47] Об отпуске на волю крестьянина д.Сабулихи Грязовецкого уезда Дмитрия Федорова секретаршей В.И.Порошиной (О засвидетельствовании отпускнуой, данной губернской секретаршей Верой Ивановной Порошиной крестьянскому сыну Дмитрию Федорову)— ГАВО, фонд 178 опись 1 дело 2243, стр.3.
- [48] По сообщению Вологодской гражданской палаты о перечислении за Г.Веру Порошину 30 душ из-за Г.Поповой — ГАВО, фонд 388 опись 1 дело 654.
- [49] Ведомости о количестве прихожан в Николаевской Слободской церкви за 1821-1833 года — ГАВО, фонд 1063 опись 86 дело 6.
- [50] Вотчинная книга за 1837 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 478, стр. 104 № 61.
- [51] Крестьянская книга за 1837 год — ГАВО, фонд 178, опись 8 дело 479, стр.15 №16.
- [52] Крестьянская книга за 1840 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 544, стр.66 об. №54.
- [53] Вотчинная книга за 1835 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 429, стр. 133 №79.

- [54] Метрические книги церквей Грязовецкого уезда за 1839 год, т.1 — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 104, стр.1626.
- [55] То же, т.2 — ГАВО, фонд 496 опись 10 дело 105, стр.239.
- [56] Вотчинная книга.... за 1837 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 478, стр.31 №20.
- [57] Крестьянская книга за 1835 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 432, стр.26 об. №103
- [58] Дело Вологодского уездного суда по прошению опекуна над именем Екатерины Петровны Ковалдиной об истребовании купчей крепости на землю от коллежского ассесора Александра Кубенского — ГАВО, фонд 235 опись 1 дело 303.
- [59] Дело Канцелярии Вологодского губернатора о продаже дворовых людей помещиком Кубенским в казенное ведомство — ГАВО, фонд 18 опись 1 дело 1527.
- [60] Ревизские сказки о крестьянах и дворовых людях, состоящих за помещиками Вологодской губернии Грязовецкого уезда, за 1850 год — ГАВО, фонд 388 опись 10 дело 171, стр. 112, 117.
- [61] О засвидетельствовании отпускной, данной вольноотпущенной надворной советницей Александрой Яковлевой Кубенской крестьянской девке Грязовецкого уезда д. Куприянова Марье Андреевой — ГАВО, фонд 178 опись 1 дело 5030.
- [62] О засвидетельствовании отпускной, данной надворной советницей Александрой Яковлевой Кубенской крепостному ее человеку Грязовецкого уезда д.Куприяново Александру Федорову с семейством — ГАВО, фонд 178 опись 1 дело 5176.
- [63] Сделочная книга за 1848 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 725, стр.13 №7.
- [64] Журналы заседаний Вологодской палаты гражданского суда за сентябрь 1847 года — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 692, стр. 245.
- [65] То же за июль 1847 года — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 690 . стр.82, 228, 282.
- [66] Ревизские сказки о числе душ помещичьих крестьян и дворовых людей по Грязовецкому уезду за 1834 год — ГАВО, фонд 388 опись 1 дело 8880, стр.100.
- [67] Журналы заседаний Вологодской казенной палаты за 1842 год — ГАВО, фонд 388 опись 7 дело 234, стр. 93 об.
- [68] Сообщения Вологодской казенной палаты о перечислении и исключении от разных помещиков дворовых людей и крестьян за 1841 год — ГАВО, фонд 31, опись 1 дело 182, стр. 166.
- [69] Журналы заседаний Вологодской палаты гражданского суда за июнь месяц 1837 года — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 469, стр. 70.
- [70] Дело о перечислении дворянских имений за 1835-1837 годы — ГАВО, фонд 31 опись 1 дело 131, стр. 208.
- [71] Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года VII Вологодская губерния, часть первая, стр.131. Санкт-Петербург, 1866.
- [72] Исповедные ведомости церквей Кадниковского уезда за 1816 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 386, стр. 720 об.
- [73] Исповедные ведомости тех же церквей за 1805 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 375, стр. 493.
- [74] Исповедные ведомости тех же церквей за 1810 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 380, стр.464.
- [75] Вотчинная книга за 1822 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 173, стр. 54 об. № 29.
- [76] Исповедные ведомости церквей Кадниковского уезда за 1795 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 365, стр.496-497.
- [77] Исповедные ведомости тех же церквей за 1800 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 370, стр.611 об.-612.
- [78] Наряд Кадниковского уездного суда на записку купчих крепостей на землю и имения за 1813 год — ГАВО, фонд 239 опись 1 дело 261, стр. 1-2.
- [79] Наряд Кадниковского уездного суда о совершении купчих крепостей на землю между разными помещиками за 1815 год — ГАВО, фонд 239 опись 1 дело 294, стр.43.

- [80] Исповедные ведомости церквей Кадниковского уезда за 1782 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 352, стр. 842.
- [81] Исповедные ведомости церквей Вологодского уезда за 1775 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 216, стр. 1057, 1062.
- [82] Исповедные ведомости тех же церквей за 1770 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 202, стр.717, 724.
- [83] Исповедные ведомости тех же церквей за 1765 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 188, стр. 598, 637.
- [84] Дело Кадниковского уездного суда по Указу Вологодского верхнего земского суда о передаче недвижимого имущества помещику Бердяеву — ГАВО, фонд 239 опись 2 дело 612, стр.3-20, 24, 60-62.
- [85] Дело Кадниковского уездного суда о закреплении недвижимого имущества за помещиком Николаем Бердяевым, оставшееся после дяди его Кукарина — ГАВО, фонд 239, опись 2 дело 358, стр.1-3, 24-28.
- [86] Книга записи проданных земель и душ от одного владельца к другому Вологодской палаты гражданского суда за 1811 год — ГАВО, фонд 178 опись 3 дело 255, стр. 342-343 №245.
- [87] Исповедные ведомости церквей Вологодского уезда за 1721 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 91, стр. 916-917, 922; за 1722 год — там же, дело 92, стр.26 об.; за 1723 год — там же, дело 93, стр. 226, 231, 241; за 1724 год — там же, дело 94, стр. 255 об., 261 об.; за 1727 год — там же, дело 97, стр. 671, 681, 685; за 1729 год — там же, дело 102, стр. 356 об., 364; за 1730 год — там же, дело 103, стр.813-814; за 1731 год — дело 104, стр.33.
- [88] Исповедные ведомости церквей Вологодского уезда за 1737 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 113, стр.577.
- [89] Дело по Указу консистории о представлении сведений на родившихся и умерших лиц польского происхождения за 1734 год — ГАВО, фонд 496 опись 1 дело 1111, стр. 63.
- [90] Исповедные ведомости церквей Вологодского уезда за 1743 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 133, стр. 214-215; за 1748 год — там же, дело 148, стр. 778, 800 ; за 1753 год — там же, дело 161, стр. 868, 910; за 1754 год — там же, дело 162, стр. 769, 834.
- [91] Описание Собрании свитков, находящихся в Вологодском Епархиальном Древнехранилище, пятый выпуск, стр. 1. Вологда, 1902.
- [92] Записи о венчании по разным церквям епархии за 1716-1723 годы — ГАВО, фонд 496 опись 1 дело 505, стр.74.
- [93] Книга для записи вечных пошлинных денег по церквям епархии за 1713 год — ГАВО, фонд 496 опись 1 дело 371, стр. 203.
- [94] Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XII веке, собранные В.Н. Сторожевым. Выпуск первый, С.Петербург, 1906, стр. 265; выпуск второй, Петроград, 1918, стр.133.
- [95] Дело по Указу консистории о приведении к присяге лиц православной веры бывшего польского и литовского подданства и по другим вопросам за 1739 год — ГАВО, фонд 496 опись 1 дело 1282, стр. 57-58.
- [96] Рапорты и прошения лиц разных исповеданий с просьбой принять их в православную веру за 1755 год — ГАВО, фонд 496 опись 1 дело 1914, стр.38-39.
- [97] Книга записная Вологодского архиерейского и канцелярии исходящих Указов и пре-морию с генваря месяца 1735 года, (в описи название — Книга записная Вологодского архиерейского дома входящих бумаг за 1735 г.) — ГАВО, фонд 948 опись 1 дело 11, стр.74.
- [98] Сделочная книга Вологодской палаты гражданского суда за 1820 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 156, стр. 31 №16.
- [99] Исповедные ведомости церквей Кадниковского уезда за 1813 год — ГАВО, фонд 496 опись 19 дело 383, стр. 332.

- [100] Исповедные ведомости Кадниковского духовного правления за 1818 год — ГАВО, фонд 496 опись 1 дело 7473, стр. 986, 994.
- [101] Сделочная книга..... Вологодской палаты гражданского суда за 1820 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 156, стр. 31 № 16.
- [102] Вотчинная книга Вологодской палаты гражданского суда за 1820 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 153, стр. 172 №97.
- [103] Исповедные ведомости Кадниковского духовного правления за 1823 год — ГАВО, фонд 496 опись 1 дело 8038, стр.612, 623.
- [104] Ревизские сказки о числе душ крестьян Кадниковского уезда за 1850 год — ГАВО, фонд 388 опись 1 дело 8903, стр.655-656.
- [105] Сделочная книга Вологодской палаты гражданского суда за 1845 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 1231, стр. 64.
- [106] Метрические книги Новосельской Николаевской церкви Кадниковского уезда за 1850-1853 годы — ГАВО, фонд 496 опись 11 дело 143; то же — за 1854-1857 годы — там же, дело 170 .
- [107] По прошению вдовы Натальи Степановой о взыскании с Софьи Крейтер денег за недостаток земли, купленной у Крейтер — ГАВО, фонд 239 опись 1 дело 1216.
- [108] Метрические книги Николаевской Новосельской церкви Кадниковского уезда за 1892-1896 годы — ГАВО, фонд 496 опись 42 дело 72.
- [109] Метрические книги той же церкви за 1913-1916 — ГАВО, фонд 496 опись 55 дело 169.
- [110] Ревизские сказки о числе душ помещичьих крестьян по Грязовецкому уезду за 1858 год — ГАВО, фонд 388 опись 1 дело 8926, стр. 423-427.
- [111] Книга на записку актов, совершаемых крепостным порядком на недвижимые имущества и на крепостных людей за 1857 год — ГАВО, фонд 178 опись 8 дело 953, стр. 76-78.
- [112] Список волостей, обществ и селений Вологодской губернии за 1872 год — ГАВО. фонд 31 опись 1 дело 1220, стр.15-16, 26.
- [113] Материалы для оценки земель Вологодской губернии, том 2 Вологодский уезд, выпуск 1, Вологда 1907, стр.134.
- [114] Метрические книги Богородской Подстаницкой церкви Вологодского уезда за 1856-1868 годы — ГАВО, фонд 496 опись 8 дело 263.
- [115] Исповедные ведомости Богородице- Рождественской Подстаницкой церкви Вологодского уезда за 1879-1883 годы — ГАВО, фонд 1063 опись 42 дело 120.
- [116] Исповедные ведомости той же церкви за 1915-1916 годы — ГАВО, фонд 1063 опись 1 дело 49.
- [117] Алфавитные списки лиц, зарегистрированных Вологодской палатой гражданского суда и протоколы по разбиравшимся делам этих лиц в первой половине 1842 года — ГАВО, фонд 178 опись 3 дело 298, стр. 220.
- [118] О совершении купчей крепости на проданное женою коллежского секретаря Екатериной Поповой жене губернского секретаря Вере Ивановне Порошиной недвижимое имущество — ГАВО, фонд 178 опись 1 дело 2366, стр. 4-5.
- [119] О совершении купчей крепости на проданное действительным статским советником Александром Александровичем Сухаревым жене губернского секретаря Вере Ивановне Порошиной недвижимое имущество — ГАВО, фонд 178 опись 1 дело 2464, стр. 7-8.
- [120] Объявление о доставке рекрутов в набор 1854 года с вотчины губернской секретарши Веры Ивановны Порошиной — ГАВО, фонд 771, опись 1 дело 780.
- [121] О службе ефрейтора запаса первого разряда Василия Григорьевича Шигаревского за 1902-1916 годы — ГАВО фонд 728 опись 1 дело 488.
- [122] Условие временно обязанных крестьян деревни Саблина Гаврильцевского волостного правления Комельской волости Грязовецкого уезда Лаврентия Дормидонтова и деревни Юрьчакова Нетининского волостного правления Заболотской волости того же уезда Семена Васильева Телегина о поступлении первого в рекруты за семейство последнего — ГАВО, фонд 771 опись 1 дело 1016.

- [123] О взыскании оброков с крестьян Фроловского общества Гаврильцевской волости Грязовецкого уезда в пользу помещицы Веры Порошиной — ГАВО, фонд 138 опись 1 дело 124; О взыскании с крестьян оброчных недоимок в пользу помещицы Порошиной по Грязовецкому уезду — там же, дело 159.
- [124] По прошению безземельного крестьянина Гаврильцевской волости Сергея Шигаревского о перечислении его в деревню Гаврильцево той же волости за 1890 год — ГАВО, фонд 388 опись 3 дело 3226
- [125] О совершении купчей крепости крестьянином деревни Юрчаковой Грязовецкого уезда Василием Телегиным на проданное имение с землей крестьянину деревни Борисовой Грязовецкого уезда Ивану Федоровичу Шагаревскому — ГАВО, фонд 178 опись 1 дело 11073.
- [126] Вологодский календарь на 1881 год, стр.39; Вологодский адрес-календарь и месяцеслов на 1882 год, стр. 39; Вологодский адрес-календарь и месяцеслов на 1883 год, стр.30; Адрес -календарь Вологодской губернии на 1887 год, стр.38.
- [127] Журналы Грязовецкого Очередного уездного Земского Собрания десятого трехлетия первой очередной сессии 1887 года — Вологда, типография А.В.Гудкова-Белякова 1898, стр. 16.
- [128] Дело о засвидетельствовании отпускной, данной надворной советницей Александрой Кубенской дворовой женки Екатерины Львовой дочери Аполлинарии Дормидонтовой — ГАВО, фонд 178 опись 1 дело 1869.
- [129] По жалобе Кадниковской помещицы Натальи Бердяевой на помещика Мерцалова, отрубившего левые руки ее крепостным крестьянам Петру Григорьеву и Николаю Федорову, за 1818 год — ГАВО, фонд 18 опись 1 дело 335.
- [130] Сергей Викулов, «Память рода» — Сборник «Вологодские зори», Москва, «Современник», 1987, стр. 235.
- [131] Сергей Викулов, «Оглядываюсь с гордостью назад...» — Там же. стр 233.
- [132] Используются фрагменты карт Кадниковского и Грязовецкого уездов XIX века и фрагменты современной карты Вологодской области с частью территории Усть-Кубенского района, Вологодского и Грязовецкого районов. Цифрами обозначены места расположения следующих церквей: 21-21 — Николаевская-Новосельская, 24-21 — Георгиевская-Заднесельская; 81-8 — Иоанно-Предтеченская Косяковская, 79-8 — Михайло-Архангельская Лихтошская, 78-8 — Николаевская Кузнецовская, 9-10 — Богородско-Комельская, 15-10 — Николаевская Комельская — Церковно-исторический атлас Вологодской области, Вологда, «Древности Севера», 2007, стр. 70, 95, 117.